

КРОКОДИЛ

№ 28

ОКТАБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1934

К 556

13

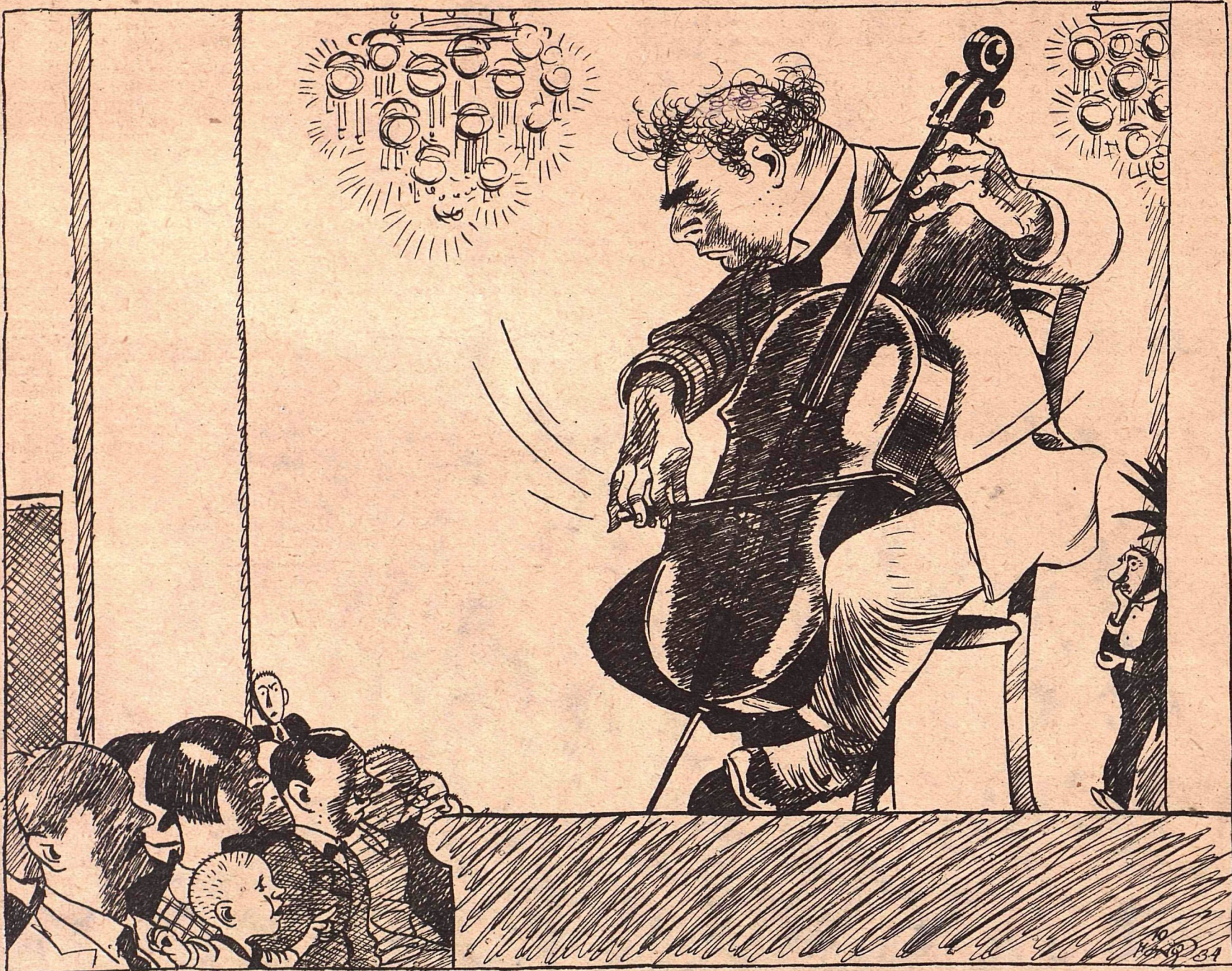
НАСТОЯЩАЯ ПРИЧИНА

Рис. Ю. Ганфа

- После выступления хозяина все забастовщики разошлись со слезами на глазах.
- Неужели он так трогательно говорил?
- Да нет, бить его хотели, а полицейские слезоточивые газы пустили...

Рис. Ю. Ганфа

— Папочка! Как только дядя перепилит этот ящик, мы сможем уже пойти домой?..

СМЕХОБОЯЗНЬ

На историческом процессе в Лейпциге прокурор мрачно и величественно громил коммунизм и коммунистов.

Товарищ Димитров улыбался.

Торжественно и патетически прокурор говорил о высоком призвании фашизма и прославлял гражданские доблести Геринга.

Товарищ Димитров улыбался.

И внезапно рассвирепев, председатель суда заорал, что подсудимый Димитров ведет себя недопустимо, что он смеется над прокурором и этим сбивает прокурора с толку. И так как подсудимый Димитров уже был лишен слова, то теперь он был лишен права улыбки.

Прокурор продолжал величественную свою речь. Но он не без страха поглядывал на подсудимого Димитрова, нет ли искорки смеха в его глазах. Смеяться строго воспрещено в фашистском суде, потому что смех является государственным преступлением в фашистской Германии.

Возложив на себя тяжкое бремя борьбы с коммунизмом на всем земном шаре, фашистская Германия подозрительно относится ко всякому веселому смеху. Она обижается, где бы ни смеялись. Она всегда убеждена, что если где звучит иронический смех, то это непременно на ее счет. Вот почему выступление г. Кольцова на всесоюзном съезде писателей о сатирическом смехе вызвало негодующий отпор в фашистской Германии.

«Ангрифф» господина Геббельса рассердился. Как смеет шутить Кольцов? В главном фашистском органе напечатана статья, которая, как председатель в лейпцигском суде, пытается лишить нашу страну права на улыбку. Фашисты ужасно недовольны тем, что в Советском союзе растет и развивается сатирическая литература. Пусть она даже не направлена прямо против фашистской Германии. Все равно! Когда где-либо громко смеются, в фашистской Германии тревожно переглядываются.

Не смеются в тюрьме, в церкви, в жандармской казарме, на кладбище. Фашистская Германия представляет соединение всех этих учреждений. Улыбка была бы оскорблением «величества» в государстве, превращенном в застенки. Нет человека в мире, который выглядел бы более серьезно, чем Геббельс. Но именно поэтому он стал посмешищем буквально всей мировой печати. Неудивительно, что нервы его не выносят смеха.

В смехобоязни германского фашизма есть историческая логика. Геббельсы и Геринги возвращают Германию к временам раннего феодализма, к средневековью. Они хотели бы и весь мир одеть в рясу монахов, напя-

ливши поверх рясы латы крестоносцев. А средневековье преследовало смех как тягчайшую ересь. За смех жгли на кострах. Смех был опасен. Он разоблачал мишуру рыцарства и лицемерие попавства.

Действительно, конец средневековья был возведен человечеству смехом Рабле, язвительной «Похвалой глупости», издевательством над рыцарями и монахами. Вольтер смеялся на похоронах средневековья. И Гейне впервые рассмешил Германию на могиле феодальной Германии. За это ему мстили непогребенные покойники императорской старины. За это он попал на костры и в Германии Гитлера, вытаскившей скелеты из гробниц и установившей для всей страны только один вид разрешенной и покровительствуемой улыбки: оскал черепа.

Могильщики в коричневых рубашках зорко следят по всей Германии: не звучит ли еще где приглушенный смех, не прорвется ли улыбка на некокорных губах, не мелькнет ли лукавая искорка смеха в живых глазах? Но рабочие научились плотно сжимать губы, и на улицах прохожие потупляют глаза, чтобы не выдать себя нечаянным взглядом. В фашистской Германии смеются только за плотно закрытыми и занавешанными окнами... Геринг знает: только убив чувство юмора во всей Германии, он сможет обеспечить покой режиму, в котором смесь подлости и ничтожества дает комический результат.

Геббельсы, однако, бессильны за пределами Германии. А смех ведь заразителен! Он проникает и за рогатки, охраняемые коричневыми шутами, не знающими смеха, но смешными для других. В особенности тревожит фашистскую печать сатирический смех Советского союза. Это смех над всеми теми «святынями» средневековья, перед которыми распластались на брюхе жрецы фашистской науки и морали. Знаменитую расовую теорию в Советском союзе не опровергают, — над ней смеются, и этот смех действует убийственно.

Нам понятно беспокойство геббельсовского «Ангриффа», его негодующее выступление против доклада Мих. Кольцова о сатире. О, если бы можно было весь Советский союз, как товарища Димитрова, лишить права на улыбку! Смех — грозное оружие. «В тот момент, — говорил Герцен, — когда люди рассмеялись над священным Аписом, он превратился в обыкновенного быка».

В тот исторический момент, когда улыбнется Германия, государственные люди фашизма превратятся в обыкновенных и ничтожных шутов.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

О ПОШЛОСТИ

Условимся: Владимир Штейэрт — не Пушкин. Не Лермонтов — тоже. Он имеет на это все права, ибо давно сказано Некрасовым: «Позтом можешь ты не быть», если им быть не можешь. «Но гражданином быть обязан», — сказано далее у этого же автора.

Поэтому присмотримся внимательно к другому: кто такой гражданин Владимир Штейэрт и кто такие граждане редакторы, напечатавшие его произведение?

Стихотворение называется «Две дороги» и помещено в литературной газете Ленинградского изоляторного завода. Содержание стихотворения таково: На заводе работали две Лидии. Одну звали «Лидка», другую — «Лидия Юрьевна».

Почему? Одна моложе была, другая значительно старше?

Нет. Не потому. «Лидка работала в цехе, Лидия Юрьевна — в зале».

«В зале высокий лепной потолок, Колонны, зеленые лампы. В цехе неустанная дробь молотков, Мерные вздохи штампов».

«Зал» и цех, — вот что раз'единяет обеих Лидий.

Но посмотрим дальше: может быть, использован всего лишь неудачный образ?

«Был прорыв у Лидки в цеху — 15 процентов браку, А Лидия Юрьевна вся в меху Вечерами гуляла с собакой».

Дело, значит, не в неудачном образе. Дело глубже. В тот момент, когда у Лидки прорыв в цехе и брак готов омрачить всю ее жизнь, вторая Лидия, служащая Лидия, как ни в чем не бывало гуляет с собакой! Вся в меху!.. Ей нет никакого дела ни до Лидки ни до завода.

«Собака у ней дорогая была, Самой редчайшей породы, А Лидку в яслях с нетерпением ждала Девчонка полутора года...»

«Две дороги» — два мира: мир советских рабочих и мир советских служащих. Отделяет их как-будто всего лишь заводской двор, но так лишь

кажется. На самом деле между людьми канцелярии и людьми цеха — непреходимая пропасть. Противоположные интересы волнуют тех и других.

«Лидия Юрьевна тонный зав Навещал ее дома частенько, А Лидка сидела, за день устав, С комсомольцем-техпропом Сенькой».

Лидия Юрьевна пила нарзан, Зав целовал ей руки, А Лидка с Сенькой по вечерам Грызла гранит науки...»

Рабочие наши либо вечно находятся в цехе, либо вечно зубрят науки. Для поделуев существуют люди второго сорта. Нам еще рано целоваться. Пусть целуются наши классовые враги.

Итак, Лидка и Сенька «Сидели, книгами шелестя, Набирались знания силы, А Лидия Юрьевна, вся блестя, По «Асториям» с заводом носилась...»

Нет советских работников — ударников, героев труда, людей, болеющих за производство, за социалистическое

строительство. Нет женщин — учащихся, инженеров, агрономов, ученых. Все служащие — «барышни», посетительницы «Асторий», тунеядки...

«Лидия Юрьевна сдала дела И лежит с мигренью в постели...» Так ей и надо, не водись с заводом! «А Лидка (конечно) с ударной бригадой дала Сто процентов годных изделий».

Какая пошлость! Какое низкопробное подхалимство и приспособленчество! И эта грязь, этот вреднейший пасквиль печатается в газете...

Но кто все-таки автор этого стихотворения? Пусть он не Пушкин, даже не Лермонтов, но все же?

Владимир Штейэрт — сам служащий. Конторщик того же изоляторного завода... В общественной жизни завода, по всем официальным данным, как и описанная им «Лидия Юрьевна», не принимает никакого участия.

Любопытно, не правда ли?

А. АГРАНОВСКИЙ

ЛЫЖИ - ВОСЬМЕРКИ

Заводы, производящие лыжи, не выполняют плана. Большой спрос спортивных организаций на лыжи не удовлетворяется.

Рис. К. Ротова

СЕМЕЙНЫЕ ЛЫЖИ, ИЛИ ИСКУССТВО ИСЧЕРПЫВАЮЩЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕДКОГО СПОРТИВНОГО ИНВЕНТАРЯ.

К.Р.34.

3

ЛОЖА

За два дня до премьеры Эрнест Владимирович Уникум, пом. директора Государственного среднего театра, начинает испытывать нервную дрожь.

Премьера, честно говоря, средненькая. Пьеса молодого автора Валерьяна Фырк — веселенькая и оптимистиченькая, но все же пьеска средненькая. Правда, неплохое название «Дрожь». На такое название публика идет. Но что публика! На премьеру нужно, чтобы были люди. Понимаете — лю-ди! Федор Константинович так и сказал:

— Эрнест, должны быть все, которые должны быть. А ты знаешь, кто должен быть?

— Я-то знаю, — мягим стоном отозвался Эрнест Владимирович. — Но, Федор Константинович, они же все заняты, у них же президиум, заседание коллегии, а то, чего доброго, пленум какой-нибудь. Пресса — эта, конечно, будет, это уж я постараюсь.

— Что, пресса! Пресса будет, это я без вас знаю. Нужно, чтобы люди. И чтоб — никаких «но»!

Эрнест Владимирович покорно кивает головой и отправляется в свой кабинет. Там тепло и уютно. На стене Мейерхольд. Моисси и Федор Константинович. На столе лампочка на бронзовой ножке и шахтерская лампочка — память о гастролях.

Эрнест Владимирович обмакивает перо и выводит на чистом листке блокнота:

«Петухов Никита Семенович — Наркомлес... или Наркомзем? Нет, пожалуй, Наркомлес... Симочкин Андрей Филиппович — Заготпушнина. Спивак Арон Моисеевич — Союзмясо. Крынкин Иван Николаевич — Экспортспичка... Ох, нет, кажется, Союзхлеб или в Союзхлебе другой Крынкин — Петр Николаевич? Ну, конечно, другой... Должно быть, брат. Запишем и брата...»

К шести часам вечера список Эрнеста Владимировича составлен более или менее удовлетворительно. Шесть членов бывших коллегий, 32 крупных хозяйственника, один начальник центральной городской кассы, один директор Союзавтосбыта, один начальник административного отдела, один директор акционерного общества «Вагон-ресторан», затем культурные силы: тов. Демьян Бедный, тов. Семашко, тов. Гринько, тов. Халатов и другие товарищи. Остальное — по газетам, ну затем всякие учреждения: ВОКС, Бауманский жилсоюз, пролетарское общество «Динамо», образцовый магазин Мосторга...

Итак, люди есть. Вернее, люди на бумаге, но как их затащить? Тут какими-нибудь повестками и приглашениями делу не поможешь. Тут нужно действовать умно и тактично.

— Алло! 3-07-22. Да. Это Наркомлес? Кабинет тов. Петухова. Никита Семенович? Добрый день, Никита Семенович. Это говорят из Государственного среднего театра. Никита Семенович, у нас к вам просьба. Просим пожаловать на премьеру послезавтра. Пьеса молодого автора, называется «Дрожь». Что? Ха-ха-ха, шутник вы, Никита Семенович! Это только название страшное, а пьеса хорошая. И автор хороший. Очень просим. Федор Константинович так и сказал: без Никиты Семеновича какая ж премьерка, артисты играть вяло будут. Федор Константинович? Это ж наш художественный руководитель. Как же, как же, — заслуженный двигатель искусств... Так будете, Никита Семенович? А билеты я вам завтра с нарочным. Так замечано, значит? Я так Федору Константиновичу и передам. Всего доброго, Никита Семенович!

Он кладет трубку и ставит против фамилии тов. Петухова аккуратненькую галочку.

— Алло! 4-80-75. Да. Андрей Филиппович? Что, нет тов. Симочкина? А когда будет? Уехал? Гм-м...

Андрей Филиппович вычеркивается из списка. — Алло! 81-31. Да. Союзмясо? Пожалуйста, кабинет т. Спивака. Арон Моисеевич? Добрый вечер, Арон Моисеевич. От имени Государственного среднего театра — просьба... Послезавтра к нам на премьеру. Не театр? Не верю, не верю. Просто скажите, не хотите. А в Камерный ходите, — ай-ай, нехорошо! Интереснейшая пьеса «Дрожь» — психологическая драма. Что? Любите посмеяться? Ну и посмейтесь вдоволь. Особенно третий акт: лопнуть можно со смеху. Что значит — драма! Нынче пишут драму, а выходит все равно комедия. Жизнерадостная эпоха. Так сказать, — становление быта. Так придет.

Арон Моисеевич? А билеты я вам заброшу. Завтра же. Так ждем. Пока!

Еще одна галочка...

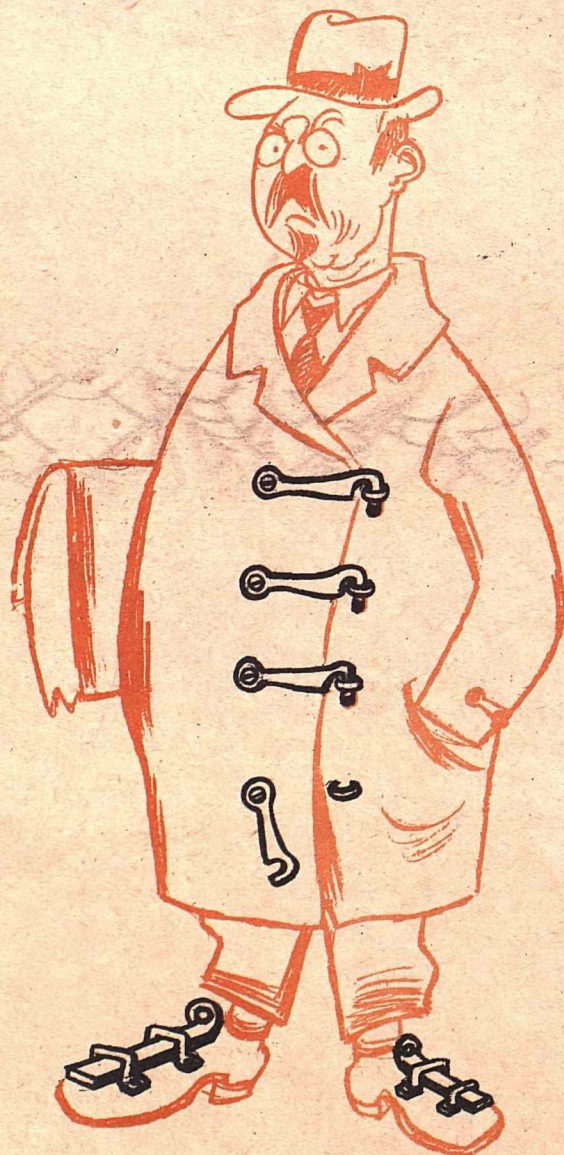
— Алло! 6-23-41. Да. Экспортспичка...

Вечером в день премьеры Эрнесту Владимировичу предстоит самая египетская работа: встречать и рассаживать гостей. Гости в большинстве случаев подводят. Из шести членов бывших коллегий приходят только двое; четверо заняты, вместо себя они присылают: один — тещу, двое — жен, а четвертый — сына пионера с домработницей Ньюшей.

Хозяйственники представлены на 40 проц. Остальное — жены и племянницы из провинции. Культурные товарищи приходят все, но Демьян Бедный запаздывает, а Халатов не хочет снимать шапку, из-за чего происходит легкий конфликт с билетером.

ПОСЛЕДНИЙ КРЮК МОДЫ

Рис. М. Храпковского

Простейший способ замены легко отрывающихся пуговиц массивными и добротными крюками. Изобретены нами специально для москвичей и на короткое время: для пуска метро и прекращения трамвайной давки.

ДИРЕКЦИИ

ВОКС приходит. Жилсоюз в командировке. Пролетарское общество «Динамо» на восемь билетов присылает двенадцать делегатов, не считая жен: опять плохо, может нехватить мест. Образцовый Мосторг приходит. «Вагон-ресторан» приходит. Пресса — в полном составе.

«Ну, кажется, благополучно! — думает вконец запарившийся Эрнест Владимирович. — Подобрался все-таки! Прилично все-таки! У хантанговцев на последней премьере слабее было!»

В зале гаснут люстры. Пошел занавес. Эрнест Владимирович забегает в буфет проглотить стакан нарзана и снова бежит по делам. А дел множество. Тьма дел. Он забегает в ложу дирекции, куда посадил товарищей Петухова, Спивака и Крынкина-младшего. Все в порядке. В ложе Федор Константинович и гости. Доносятся обрывки разговора.

— ...Шекспир... Да, тот умел... Отелло — очень занятно. А «Фиалка Монмартра» — это наше? А-а... Кальмана. Кальман, тот умел...

— Ну, кажется, благополучно, — радуется Эрнест Владимирович. — Беседуют. — И бежит в кабинет. Что стало с кабинетом, не узнать кабинета! Где лампа на изящной бронзовой ножке? Нет лампы. Где чернильный прибор из настоящего уральского камня с ангидридовыми крышечками? Вынесли прибор. Стол покрыт белоснежной скатертью, а на столе сверкают, как хрусталь, стаканы и рюмки, и ласкают глаз тарелочки, увенчанные бутонами салфеток.

— Ну, кажется, ничего. Прилично, — облегченно вздыхает Эрнест Владимирович и смотрит на часы. — Через пять минут антракт.

В антракте Эрнест Владимирович извивается, пробиваясь сквозь людскую толщу, отыскивая нужных людей. Отыскав, он говорит вполголоса:

— Федор Константинович просит... в кабинет. Уж вы, пожалуйста. Ну что за церемонии... — И, проводив гостя до дверей, снова окунается в толпу. Бывалые гости не затрудняют Эрнеста Владимировича — сами идут. Но некоторые чудачки почему-то мнутя.

Второй сигнал. Гости занимают места в зале.

— Вот вы говорите — Большой театр. Конечно Большой театр может все поднять. Ему и то и это. А нам, — каждый гвоздик со слезами...

Федор Константинович интимно беседует с гостем. Гость вяло слушает и барабанит пальцами по бархату барьера.

— Вот вы давеча сказали — бедно. Конечно, бедно. Сам знаю, что бедно. Может, ночей не сплю из-за этого. А что поделаешь? Или занавес. Да этому занавесу шесть лет. Нужно бы бархатный, малиновый. Кстати, Григорий Яковлевич, у вас в Шелкотресте нельзя ли метров четырехста... Мы б вам и зайвочку дали. А, Григорий Яковлевич? И кое-что для костюмов...

— Да что ж, пожалуй, и выкроим, — без особого энтузиазма откликается Шелкотрест. — Вы мне напомните завтра. Звякните.

— Звякну. Обязательно звякну. А насчет оформления второго акта это вы правильно заметили. Колонны там ни к чему. Что значит свежий глаз! Часа в два звякнуть или попозже?

Дверь в ложу приоткрывается, входят на цыпочках Эрнест Владимирович. Он незаметно, делая вид, что внимательно слушает реплики со сцены, приближается к Федору Константиновичу. Заслуженный двигатель искусств шепчется о чем-то с тов. Спиваком. Опытное ухо Эрнеста Владимировича улавливает обрывки фраз:

— Ерунда — шесть книжек «А»... Вы, Арон Моисеевич, как, так сказать, культурный шеф... Кое-что можно будет... Обязательно звякну... Больше смешного?.. Правильно, борьба за комедию — вот наш лозунг...

Эрнест Владимирович также тихо на цыпочках выходит в фойе.

— Ну, кажется, благополучно. А ловко я их в ложу ввернул. Только вот зря Крынкин ввязался. Подумаешь — Экспортспичка. А что с него проку? Ну, ладно, пусть посидит, посмотрит. Нынче ж так: сегодня он — Экспортспичка, а завтра его перебрасывают. Пусть посидит.

БОР. КОВАЛЬ

ПОКОЙНИЦА СЕЛА УЖИНАТЬ

ВСЕ МЕСТА ЗАНЯТЫ

Рис. Л. Бродаты

Нытиков, малозверов, нервных и прочих шизофреников автор убедительно просит не читать этих строк. Не допускаются к чтению рассказа и дети до 16 лет.

Это предупреждение не лишне, принимая во внимание, что речь пойдет у нас о покойниках.

Но покойник покойнику — рознь. Иной усопший как ляжет в могилу, так безмятежно и лежит, совершенно оторвавшись от масс.

Однако встречаются мертвецы и другого сорта. Да, скрывать нечего. Некоторые обитатели загробного мира любят шалиться по земле, особенно во тьме ночной. Старожилы, очевидцы и многие поэты категорически подтверждают этот несомненный факт. Например: «В двенадцать часов по ночам из гроба встает барабанщик».

Но такое поведение характерно не только для барабанщиков, виолончелистов и прочих работников искусства.

Бывает, что и обыкновенные домашние хозяйки или иждивенцы норвят после смерти прогуляться, подышать свежим воздухом и навестить своих ближайших родственников и хороших знакомых.

Об одном таком прискорбном случае мы и собираемся сегодня рассказать.

В Дмитрове у колхозника Корецкого умерла сестра. Похоронили ее на старом сельском кладбище. Плакали.

Через три дня покойница, улыбаясь, вернулась домой.

Дело было вечером, — семья Корецкого ужинала. Покойница присела к столу и с активностью, достойной всяческого одобрения, стала хлебать щи...

Конечно, случись такая оказия лет двадцать назад, был бы на селе большой переполох. Пошли бы поверья, легенды и благоуханье всяких пред-рассудков.

А по нынешним временам дело перешло не к беллетристам, а к районному прокурору, который не замедлил составить протокол и привлечь к ответственности лиц, виновных в безнадзорном состоянии граждан, отбывших на тот свет.

Надо полагать, читатель хочет знать подробности этой истории. Разумеется, советский читатель в данном случае вовсе не обуреваем нездоровым любопытством. Ему просто хочется знать, какие такие у нас кое-где порядки, куда смотрит местная власть и до каких пор будут продолжаться такие безобразия?

Идя навстречу читателю, мы и продолжаем наше повествование, которое раскрывает все подробности этого воскресения мертвой трудящейся женщины.

На Днепропетровщине с давних пор существует село Дмитрово. Проживает в этом селе колхозник Корецкий.

У Корецкого недавно тяжело заболела сестра. Отвез Корецкий больную сестру в Казанковку, в больницу.

Прошло пять дней. Приходит к Корецкому больничный сторож с официальной повесткой:

«Село Дмитрово. Гражданину Корецкому. Сим извещаем вас, что ваша сестра сегодня ночью умерла. Просим приехать забрать ее».

Поехал Корецкий в больницу. Ведут его в какую-то полутемную холодную комнату и показывают на труп, завернутый в простыню. При этом сердобольный санитар, вздыхая, рассказывает Корецкому:

— Очень она мучилась перед смертью. Лицо так исказилось, что даже не узнать.

Дома родные и соседи потогрели, а когда обмывали и переодевали покойницу, в ужас пришли — до чего она стала неузнаваема.

Прошло несколько дней после похорон. Сидит семья Корецкого вечером дома и ужинает. Вдруг...

Надо ли объяснять опытному читателю, что это за «вдруг». Короче говоря, открывается дверь, и входит покойница.

Дети, конечно, заголосили. Старушки, которые тут были, начали неистово креститься. Одна из них даже под лавку залезла.

Нечего скрывать, и сам Корецкий, хотя и ударник и член союза безбожников, все же на несколько минут потерял ораторский талант.

Но вскоре все успокоилось и даже смеялись. Больше всех смеялась бывшая покойница. Она тут же раз'яснила, что даже и не думала помирать и в мысли ничего похожего не было, а сразу в больнице начала поправляться. Действительно, в ее палате умерла одна женщина. Больничное начальство и спутало...

И до сей поры Корецкий не знает, кого он, убитый горем, похоронил и о ком так горько слезы проливал.

Не знает и больничное начальство. Разве за всеми уследишь: и за живыми и за мертвыми?
Г. РЫКЛИН

— Чорт знает, что такое! На таком длинном бульваре ни одной свободной скамейки для обеспеченного человека.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

В краткой и деловой форме редакция «Крокодила» знакомит своих читателей с уникалами, доставленными ей читателями в последнюю минуту перед версткой очередного номера.

ТОНКАЯ РЕКЛАМА

Объявление из газеты «Узбекистанская правда» о советской кинокартине «Гармонь»:

СЕГОДНЯ В КИНО „ХИВА“
американский звукоговорящий фильм
„ГАРМОНЬ“

Если в такое кино попадет «Броненосец Потемкин», то рекламировать его будут наверное так:
«Шведская видовая картина из жизни иностранных броненосцев».

ПЛОХОЙ НОМЕР

Из печатной программы 1-го госцирка в Москве:

ПРИМЕЧАНИЕ:

«В случае болезни АРТИСТА или ЖИВОТНОГО дирекция оставляет за собой право заменить номер другим или выпустить таковой».

Интересно знать, сохраняет ли дирекция за собой право заменить этот безобразный текст примечания более приличным или он должен красоваться в каждой печатной программе?

СПАСЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ДОКТОРА АВГУСТА ХУСТА

Его спасла невероятная, легендарная случайность. У него оторвалась рука. Она осталась в руке обезумевшего от ужаса голого гиганта с орлиным пером в косматой черной голове.

Когда доктор Хуст, отнесшийся к потере левой руки с редким хладнокровием, увидел, какое впечатление эта оказия произвела на нападавших людоедов, он молниеносно извлек из глазной впадины правый глаз, высоко подбросил его на ладони и, спокойно улыбаясь, вставил его обратно. Громкий крик ужаса раздался из грудей напавших на экспедицию доктора Хуста туземцев. Тогда отважный исследователь извлек изо рта обе челюсти и, зловеще пощелкав ими, снова вставил их на место.

Оглянувшись кругом, он увидел сто девять тел, распростертых на небольшой лужайке, окруженной с трех сторон густыми сумерками джунглей. Девять тел принадлежали участникам его экспедиции, только что убитым отрядом отборных воинов людоедского племени джибаро. Остальные сто тел принадлежали пораженным священным трепетом и благоговением дикарям, которые вследствие отсутствия законченного европейского образования не могли учесть искусственного, фабричного происхождения левой руки, правого глаза и обеих челюстей доктора Августа Хуста.

Теперь читателю уже совершенно понятно, как это случилось, что из десяти участников германской экспедиции в джунгли Южной Америки остался в живых только один, и именно доктор Хуст. Совершенно понятно также и то, почему и при каких обстоятельствах в его научной карьере произошел десятилетний перерыв; почему доктор Август Хуст на целых десять лет сменил, не по своей воле, сложную аппаратуру европейского научного работника на значительно менее замысловатую, но куда более звучную и красочную аппаратуру штатного колдуна людоедского племени джибаро.

О бегстве не могло быть и речи. На много миль кругом простирались непроходимые девственные леса, кишевшие четвероногими хищниками и рептилиями.

Спасение пришло неожиданно. Ночью. В треске ружейной стрельбы. В зловещем пламени горящего поселка.

Изредка наступавшую тишину прерывали громкие слова команды на изысканном испанском языке. Доктор Хуст понял, что он спасен. Это прибыла в поселок экспедиция добывать даровую рабочую силу для благородных перуанских плантаторов.

Через месяц делегация германского общества географов устроила доктору Хусту торжественную встречу в одном из тихих гамбургских ресторанов и договорилась с ним об организации публичного доклада в берлинском Спортпаласе. Доклад должен был называться:

«10 ЛЕТ У ЛЮДОЕДОВ»

Доктор Хуст согласился сделать этот доклад для вящей славы истинно германской науки и тем самым совершил глубокую и, к сожалению, непоправимую ошибку. Он не должен был соглашаться ни в коем случае. Покойник догадался об этом тогда, когда уже было поздно.

В назначенный день и час зал, где должен был состояться доклад, ломился от отборной публики. Дамы в изысканных вечерних туалетах величественно шествовали под руку

с виднейшими и родовитейшими офицерами рейхсвера. Командиры охранных отрядов, ответственные чины министерства, организаторы национал-социалистской партии вполголоса обсуждали с капитанами промышленности что-то очень важное и очень секретное. Воздух был полон тем особенным праздничным гулом, который так характерен для многотысячной аудитории, ожидающей информации, экзотической и волнующей.

Доктор Хуст вышел на эстраду под гром аплодисментов. Оркестр заиграл марш. Потом, когда аплодисменты затихли, председательствовавший представил слово одному из благороднейших и мужественнейших представителей германского народа.

Снова раздались аплодисменты, и доктор Август Хуст, до сих пор еще чувствующий себя после десятилетнего перерыва не совсем ловко в манишке и воротничке, незаметно поправил сбившийся набор галстук и, запинаясь, начал доклад.

Чего скрывать, за время пребывания в плену у людоедов многие немецкие слова выпали у него из памяти, и он незаметно для самого себя вставлял протяжные и горловые слова из лексикона племени джибаро. Эти непривычные, резавшие ухо звуки вызвали у слушателей легкую сочувствующую улыбку.

Мы с такими подробностями описываем доклад доктора Хуста только потому, что это был его последний доклад и что ровно через сорок пять минут после его начала доктор Августа Хуста не стало.

— Милостивые государыни и милостивые государи, — начал доктор Хуст и тут же, заметив недовольную гримасу председательствовавшего, поправился: — милостивые товарищи по нации! Я надеюсь в ближайшем же будущем приступить к работе над капитальным трудом, посвященным систематизации моих десятилетних наблюдений над жизнью южноамериканского каннибальского племени. Я еще не успел пока собраться с мыслями после головокружительного возвращения из кровавых условий каменного века в культурное германское государство и, надеюсь, что мои уважаемые слушатели простят меня за недостаточно систематический и глубокий характер доклада. Я должен, впрочем, оговориться, — добавил с профессорской добросовестностью доктор Хуст, — что каннибальские нравы и традиции характерны не только для народов, стоящих на низких ступенях культуры.

Не замечая возмущенного шопота, прокатившегося по рядам слушателей, доктор продолжал:

— Я позволяю себе в доказательство этой истины сослаться хотя бы (зал настороженно замер) на сохранившиеся до нашего времени ужасающие гекатомбы древних мексиканцев (вздых облегчения в зале), подтверждающих мнение о том, что у некоторых народов антропофагия, или, что то же самое, людоедство, составляла принадлежность государственного культа. Сплошь и рядом людоедство как государственный культ оправдывалось тем, что якобы мясо человека прибавляет силы и интеллигентности. Всем присутствующим, надеюсь, известен распространенный людоедский предрасудок, что человек, съевший сердце или печень своего врага или выпивший его кровь, усвоит тем самым мужество и силу его врага (громкий ропот возмущения в зале). Я надеюсь также, что всем присутствующим известно также и то, что у некоторых народов с'едают не врагов, а, наоборот, своих соплеменников. (Бурный ропот всего зала).

Я позволю себе в данном случае сослаться хотя бы на (зал настороженно замер) австралийское племя питта-питта (вздых облегчения в зале), у которого внезапно умершего ребенка поедают его родители, братья и сестры с той целью, чтобы, как они сами объясняют, сохранить подольше добрую память о ребенке.

Я не хотел бы за недостатком времени задерживать ваше внимание объяснением причин, приводящих целые, подчас культурные народы к людоедству, и позволю себе перейти к изложению отдельных наиболее интересных фактов из моей деятельности во время десятилетнего плена в густых джунглях бассейна Амазонки.

Было бы совершенно неправильно думать, что жизнь в джунглях, и особенно на ответственном посту колдуна, отличалась идеалистическим спокойствием. Голод был у нас частым гостем, и мне вместе с вождями племени пришлось потратить не мало трудов для того, чтобы добиться минимального мира и порядка в племени джибаро.

Пленных для удовлетворения потребности в мясе всех джибарийцев не хватало. Приходилось создавать сложную иерархию и распределять пленников только между наиболее близкими к вождю лицами. (Ропот возмущенных возгласов в зале). При полном отсутствии зубов я был совершенно не заинтересован в доле людского мяса, и это создало мне среди рядовых джибарийцев славу и авторитет беспристрастного человека.

И все же основная масса джибарийцев, задыхавшихся в тисках голода, волновалась. Пришлось пойти на крайнюю меру. Сговорившись с наиболее родовитыми и богатыми джибарийцами, мы убили старого вождя, который все равно по дряхлости своей никуда уже не годился, и выбрали нового вождя, послушного человека и хорошего оратора. Потом мы объявили всему племени, что теперь новый вождь завоюет нам много пленных и мы все будем есть жареной, вареной и копченой человечины вволю, сколько влезет. Дни шли, а пленных не было. Народ возмущался. Для его успокоения пришлось убить несколько десятков джибарийцев. Это обеспечило племя на несколько дней человечины. (В зале страшный шум). Но когда и это не помогло, пришлось мне выступить с публичной проповедью. Я сказал собравшимся, что мне явились во сне боги и сказали, что нужно терпеть и ждать, что племя джибаро страдает за грехи своих прежних вождей и что через сто лет человечье мясо безусловно хватит для всех...

Зал бушевал. Отдельные угрожающие восклицания слились в протяжный вой. Не понимавший в чем дело докладчик хотел было продолжать. Он даже раскрыл рот, но тут же закрыл его навеки. Дубинка возмущенного штурмовика разможила ему голову.

— Так будет поступлено со всеми, кто под видом научного доклада будет возводить поклепы на национал-социалистское движение, — проревел штурмовик под одобрительные возгласы аудитории.

Через пять дней состоялся суд. Штурмовика оправдали. Дамы забросали его цветами. Ибо он вступился за честь движения.

Л. ЛАГИН

Иллюстрации Л. Бродаты

КРОКОДИЛ
1ый

ловитель трепачей в искусстве, холодных халтурщиков, уязвитель и гонитель пошляков всех чинов и рангов, сим заявляем: Дошли до нас сведения, что в подготовке к семнадцатой годовщине со стороны некоторых мастеров кисти и пера, вопреки возросшему культурному уровню трудящихся, вновь имеют место тенденции проташить в изобразительное, декоративное и оформительное искусство «формализм», старые приемчики и использованные шаблоны. А по сему заранее

СТРОЖАЙШЕ ВОСПРЕЩАЕМ

В ОБЛАСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ПЛОЩАДЕЙ, ЗДАНИЙ И МАГАЗИННЫХ ВИТРИН:

1) возведение фанерных ударников с каменными лицами и устрашающими молотками по образу египетских фресок III века до нашей эры и формалистических изысков 1923 года и дальше. Возведение оных ударников приравнивается к фанерному издевательству над художественным образом живого пролетария, а также — над выросшими эстетическими потребностями населения. Виновные в макетах и воплощениях оных фигур подвергаются немедленной переквалификации на полотеров второго разряда;

2) установление на площадях подозрительных по стилю зданий из строительного утиля, напоминающих смешение башен Эйфелевой и силосной, с синими цифрами о перевыполнении годового плана по яйценосности в данном районе. Авторы башен подвергаются одиночному заключению в оных как за понижение архитектурных возможностей в публичном месте, так и за злостное наведение скуки на празднующее население;

3) изображение на полотнищах и угловых зданиях зеленых колхозниц с синими тыквами. Памятуя, что тыквы бывают желтыми, а колхозницы зачастую милovidными, приравнять оную живопись к буйству красками в бессознательном состоянии, а также к оскорблению учащих, домохозяек и приезжих графической бездарностью;

4) оформление грузовиков под броненосцы империалистических держав и наполнение последних (грузовиков, а не держав) куплетистами и частушечниками из ГОМЭЦ, каковые (частушечники) неуловимыми возгласами под аккомпанемент баянистов не столько компрометируют вооружение империалистов, сколько авторов частушек и куплетов. Писание наспех последних приравнивается к выступлению с оружием в руках против грамотного населения;

5) украшение магазинных витрин лозунгами из моркови, дверных ручек и крахмального белья. Последнее рассматривается как вспышка эпидемической пошлости и требует немедленной изоляции оформителей витрин от взрослого населения в первых классах общеобразовательных школ для дефективных детей.

В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ:

1) обнародование на первых страницах изданий фотомонтажей из: а) фабричных гудков, приводных ремней и кочевых народов, б) из перевернутых труб, плакатов 1926 года и дыма и в) из облаков и предметов ширпотреба. Подобные фотомонтажи, якобы символизирующие широкий размах индустрии, признать четкими показателями неповоротливости редакций, не умеющих дать хорошие фотографии новостроек. Оные фотомонтажи считать непомышленными;

2) помещенные в периферийной прессе мемуаров бывших костромских завхозов, начинающихся так: «Будучи в 1920 году организатором картофельного склада в Рязани, как сейчас, помню свой лихой налет на кавалерийские подступы противника...». Оные мемуары считать ненаписанными и возвращенными, дабы не вызывать недовольства среди участников гражданской войны против автора мемуаров, хорошо запомненного как подсудимого за порчу картофеля в глубоком тылу;

3) отпечатывание в четырех красках карикатур, изображающих акул западного империализма, с четкими и подробными подписями на цилиндрах, задних частях, ляжках и пятках: «буржуазия», «социал-соглашатель», «банковское влияние», «крававые затей» и т. д. А также выпускать из ртов нарисованных классовых врагов кишки, колбасы и пузыри с обозначением их замыслов: «Ха, ха, я эксплуататор», «Ага, я наживаю сверхприбыли», или: «А я скрытый предатель». Помещение подобных карикатур признать затемнением в глазах широких масс значения сатиры и считать рассеянностью редакционного аппарата;

4) помещение старых лозунгов, сохранившихся в архивах месткома за 1923-1924 год, например: «Выведем шоколад из рук частника», «Читайте Владимира Лидина», «Пожарный, будь на посту» и т. д. Равно запрещается и помещение абсолютно непонятных лозунгов, являющихся результатом философического раздумья секретаря редакции, настойчивости монолитной группы холодных халтурщиков, а также несвоевременной полочки столичных изданий, как например: «Мы — за, вы — против», «Не работающий — не работает, работающий — работает», «Кто лодырь, тот не ударник», «Не в летунах счастье» и т. д. Упомянутые лозунги считать бредом малоодаренных натур, а авторский гонорар, выданный за них, — мелкой кражей.

В ОБЛАСТИ ПЛАКАТНОГО ИСКУССТВА:

1) изображение на плакатах комбайнов в городской обстановке, явно напоминающих трамваи. А также изображение тракторов, созданных мановением кисти по образу трехколесных велосипедов. Учитывая полное знакомство широких масс трудящихся с упомянутыми сельскохозяйственными машинами, считать появление их на плакатах в замаскированном виде не сложной интригой, а неграмотностью плакатиста и тех, кто принимает означенные плакаты.

2) выявление на плакатах классового врага при помощи недоступных для неопытного глаза деталей, а именно: кривых линий, конских хвостов, острых углов, перевернутых этажерок и пивной пены, покрытых дымчатыми облаками и созвездием из кувшинов и перьев. Упомянутые плакаты считать неудавшимися изысками и немедленно обратить в утиль,

3) вывешивание физкультурных плакатов, трактующих наши достижения по спорту в том изобразительном смысле, что у мускулистых бегунов имеется в наличии лишь одна нога, в то время как соседствующие с ними голубые футболисты располагают тремя, при чем одна из них отбивает мяч, а две остальные покоятся на коричневом горизонте. Означенные плакаты могут быть использованы в качестве иллюстраций для беллетристических досугов душевнобольных из государственных диспансеров.

Под сим рескриптом собственно-ручную нашу подпись ставим:

СУДЕБНАЯ ОШИБКА

Рассказ АРК. БУХОВА

Иллюстрации К. РОТОВА

— В штате Небраска очень трудно нарушить законы, — задумчиво сказал Фейк, пряча трактирный ножи за голенище рыжего сапога. — У нас в каждом городе есть такой судья, который самому себе быстро докажет, что вы их и не думали нарушать. Если, конечно, вы успеете за четверть часа до суда сунуть ему под шляпу кое-что из своего кармана...

Есть, правда, упрямые ослы, которые защищают законы от граждан, но рыжий Слим О'Файр не принадлежал к их числу. Он так защищал граждан от законов, что если кто-нибудь даже в самом суде начинал разряжать револьвер в бумажный воротничок соседу, Слим О'Файр только штрафовал его за беспричинный шум в общественном месте. А вдове безвременного погибшего даром писал жалобы и давал жизненные советы. Короче говоря, Слим О'Файр был прекрасным малым, и ему даже один раз слегка проломил голову, чтобы он мягче относился к спиртоносам и не так уж рылся в законах, когда кто-нибудь впопыхах повесил негра. Быть может, наши законы еще долго видели бы в нем свою верную няньку, но у Слива О'Файра была одна неосторожная черта в характере: в летние месяцы он пил, как обиженный буйвол на водопое. Зимой, впрочем, он пил не меньше. Это и погубило его юридическую карьеру, пока он не пошел в конокрады, и теперь служит нето начальником полиции в каком-то маленьком, паршивом городишке на юге, нето фонарщиком в Филадельфии. В один из таких дней Слим О'Файр и оскорбил законы нашего отечества, да так, что остался только маленький выбор: или суд или он. Власть выбрали суд, а Слива О'Файра выкинули, как змею из купальни. Не буду тянуть: Слим дошел до того, что арестовал сыщика. Как это вышло? Очень просто. Был у нас в городе такой каменотес с рваным ухом, по фамилии Дайт. Не помню уж, какие у него были волосы, какие глаза и в чем ходила его жена в национальные праздники. Важно только, что Дайт не любил, когда его тыкали палкой. У нас многие этого не любили, а Дайт почему-то — особенно. И вот однажды, когда Дайт закурил во время работы, надсмотрщик Смир вышиб у него палкой папиросу из рук. Вы сами понимаете, как неприятно лишиться папиросы после первой затяжки. И Дайт дал это понятие Смиру без особого крика и жестов, а спокойно плюнув тому в бороду. Смир, конечно, побегал мыться и к подрядчику, а через полчаса Дайта вышвырнули на все четыре стороны, а если он найдет, — так хоть и из пиявку.

Два месяца ходил Дайт без работы. Два месяца Дайт продавал все, вплоть до рваной фуфайки, и дошел до того, что, если бы ему показали бифштекс или кусок баранины, бедняга только испуганно спросил бы: «А что это такое?» Не раз Дайта видели, как он потихоньку пробирался к соседу на свиной двор и выгребал из корыта что-нибудь оставшееся после свиного завтрака. И вот однажды он зашел в булочную кривого Шипса, втянул обеими ноздрями сладкий воздух, как корова перед хлебом, и сказал кривоому толстяку, ковырявшему в носу за прилавком:

— Господин Шипс, с добрым утром. — Если ты зашел только для этого, — ответил ему Шипс, — ты бы мог поздравить меня через окно или открыткой. Убирайся к черту!

— Я бы хотел купить у вас пирог с мясом, — пролепетал Дайт, — но у меня нет денег. — Может, ты хочешь убить антилопу, но у тебя нет ружья? — захохотал булочник, — можешь эти анекдоты рассказывать у себя на могиле, когда сдохнешь. И чем скорее, тем лучше.

Не буду вам подробно описывать всего разговора, меня там не было, но когда Шипс уж очень развеселился и предложил Дайту полаять по-собачьи за полкило сухарей, тот поступил правильно и по-деловому: нахлобучил на толстую рожу Шипса форму от пиджачка, схватил пирог с мясом и исчез с ним быстрее, чем директор банка, у которого потребовали срочного отчета о наличных.

Ясно, что Шипс кричал, как свинья в мешке, а может быть, и значительно громче. Во всяком случае его жена уверяла, что это было так. Сбежались другие лавочники, их семьи, родственники, приехавшие на ярмарку, два спугнутых вора, уже забравшихся на мучной склад, полиция, пьяная тетка кабатчика, собаки и многие другие. Дайта решили изловить и по возможности живьем, если это не будет очень трудно, так как Дайт был не из тех парней, чтобы добровольно вернуться с недоеденным пирогом и шаркнуть ножкой перед кривым Шипсом.

— Или в нашем городе нет больше законов или я вырву у него из живота мой товар! — визжал Шипс, и вся эта ватага бросилась в полицию.

Так как из задней комнаты Шипс отпущал в бутылках более крепкие продукты, чем бисквиты и пироги, с полицией он был и в деловом и в дружеском союзе. И всего через полчаса прыщавый сыщик Том Гринг, засовывая в задний карман запасные патроны, выдыхал из себя с шумом пивной запах и торжественное обещание:

— К вечеру приволоку Дайта, где бы он ни был!..

После трех месяцев это был первый день, начавшийся у бедняги Дайта плотным завтраком. Пища, тем более мясная, придает быстроту ногам. Это замечали уже многие до меня. Заяц не выходит навстречу к охотнику со своей визитной карточкой, и Дайт не сидел у себя на крыльце, дожидаясь Тома Гринга с похотенцем, на котором вышито: «Добро пожаловать». Уже через полчаса он исчез, как пуговица в коллуде. Длинный Гринг поцарапал в раздумьи то место, на котором у многих растут усы, а у него были только остатки яичницы, похлопал себя по толстым ляжкам и бросился в соседний лес, полагая, что за каждым деревом для него приготовлено по одному Дайту. Из леса Том Гринг быстро вынес синяк под глазом от основного сука и уверенность,

что Дайта там нет. Нехорошо выругавшись, он бросился на соседнюю ферму и...

Да, впрочем, что мы с вами будем таскаться вместе с этим проходимцем Грингом, пока он нюхает воздух и рыщет за Дайтом: он для нас не компания. Короче говоря, к завтрашнему утру покалеченный и совершенно истерзанный Гринг, в штанах в лохмотьях и с подбитым носом, приволок Дайта, впахнул его в здание суда и потребовал пива и пластыря для себя и кандалов для Дайта.

Накануне этого дня судья Слим О'Файр уже выкинул из своего окна четыре пустых бутылки из-под виски, стрелял в луну из двустолки и грозился, что он может повесить самого бостонского мэра. Интерес от этого к процессу Дайта нарастал в двойной порции. В такие дни ни одна из двенадцати толстых книг с законами Америки не удовлетворяла Слива О'Файра, и приговоры его носили самый неожиданный характер, — вплоть до денежного вознаграждения одному парню из скотобойни, убившему своего дедушку. С утра суд был полон. Собрался весь маленький городок, кроме тех, которые пошли красть по окрестностям.

Слим О'Файр начал заседание с того, что сначала икнул, потом сел на вещественные доказательства и под руку статуе Франклина, думая, что она живая и пришла к нему в гости.

— Дайт, — начал он, вводя носом по бумагам и думая по складам, — расскажите, как было дело. Долго она трепыхалась?

Секретарь наскоро объяснил ему, что дело о зарезанной вдове медника Кривла слушалось уже вчера, а теперь слушается дело о насильственном отнятии пирога у булочника Шипса.

— Ну, пирог, так пирог, черт с ним, — миролюбиво согласился Слим О'Файр, сплонув на стол, — ваяйте о пироге...

Дайт рассказывал недолго и все, как было. Половина собравшихся сердито выла, как будто у каждого из них Дайт отнял по дюжине пирогов с начинкой из рубинов, а половина молчаливо, но явно сочувствовала бедняге-каменотесу и готовилась после суда посчитать ребра несогласным.

— Так, — протянул Слим О'Файр, когда Дайт кончил. — Вы что же, пирог продали? Торговали пирогом? Беспатентная продажа мучных изделий? А?

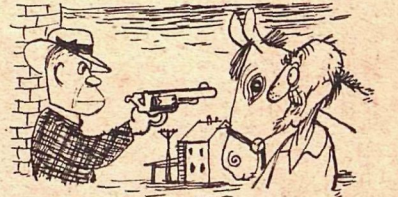
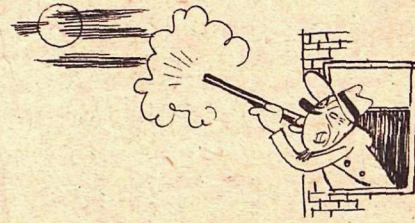
— Сел я его, — буркнул Дайт, — жене тоже дал... Голодные были оба... Ясно?

— Так... Ну теперь вы, — еще раз посмотрел Слим О'Файр на статую Франклина. — Впрочем, не вы, вы, кажется, статуя, а вот этот джентльмен. Фамилия?

— Том Гринг. Сыщик.

— Рассказывайте, как вы его поймали...

Если Дайт капал словами, как бочка, у которой выбили втулку, так Том Гринг разлился целой рекой в половеде. Вертась, как штопор в

— Мальчишка лежит с переломанной шейей, сэр, — быстро вставил сыщик.

— Вы?

— Он сам. Я его только спросил, не видел ли он поблизости Дайта. Проклятый мальчишка сразу насторожился, но я по глазам заметил, что он знает. Говори, — сказал я ему, — имей уважение к закону или я тебе выверну обе ноги. После этого он побежал от меня и свалился в угольную яму и сломал себе шею.

— Шею? — переспросил Слим О'Файр.

— Шею, сэр. Дальше уже пошло легче. Я отнял у Миндера-младшего его болотные сапоги и через болото пешком переправился на другую сторону. На берегу, в кустах, сидит Дайт. Дайт, — кричу я, — сдавайся во имя закона. Он молчит. Дайт, — кричу я. — Он молчит. Дайт, —

кричу я, — сдавайся, выходи из кустов, или я буду стрелять. Он молчит. И только после второго выстрела он выкатился из кустов и стал срать, что я его убил.

— Дайт орал?

— Нет, сэр. Не он. Дайт, оказываясь, был совсем в другом месте. Миткинс орал. Глухой Миткинс, который сидел в кустах и в которого я стрелял во имя закона. На глухом чорте была такая же рубаха, как на Дайте в момент ограбления, а закон мне дает право стрелять в каждого неповивающегося предупреждению. Говорят, что Миткинсу пулю счаст-

Рис. Л. Бродаты

Стандартная германская мода — в полоску и в клетку.

ливо удалось вынуть, и он отделался смертью от кровоизлияния. Затем я вбежал в дом почтальона, у которого жена ждала прибавления семейства, потребовал, чтобы почтальон встал на стражу у дороги...

— Довольно, — неожиданно сказал Слим О'Файр, — дело ясно! — и хлопнув волосатым кулаком по столу, добавил: суд выносит решение...

Все замерли. Всем было интересно, что выкинет судья О'Файр. То-

гда-то и произошло самое небывалое нарушение законов в наших местах, и нужно было шесть предварительных бутылок виски, чтобы впервые на территории нашего городка был вынесен бесплатно знаменитый приговор.

— Дайт! — твердым голосом, но поднимаясь на мягких ногах, заявил О'Файр, — идите к чорту и лучше покупайте пироги с вонючим мясом у этого скряги, а не хватайте их да-

ром, если вы даже голодны... Эй, Джим, снимите с него кандалы и держите их наготове... Том Гринг! Сыщик...

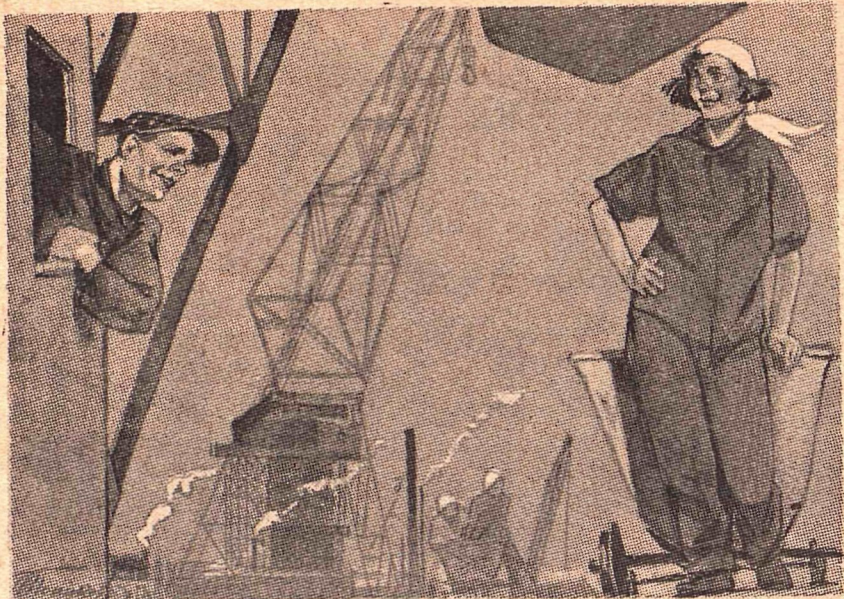
— Здесь, сэр.

— За ограбление фермера Глайда, за изуродование неизвестного мне мальчишки и за убийство глухого Миткинса — год тюрьмы... Джим, наденьте на него кандалы и прикрутите их покрепче...

После этого Слим О'Файр еще раз

икнул, сел на свое место и заснул. Через два дня его вызвали к губернатору штата и спустили с лестницы, как писали газеты в светской хронике. Теперь он, кажется, фонарщиком в Филадельфии. Но наш город до сих пор гордится, что в нем проживал первый и последний судья, который хоть и в пьяном виде, но попробовал судить по-совести...

Рис. А. Топикова

Мы уже освоили краны сложнейших систем...

...и...никак еще не можем освоить краны самой простейшей системы.

ЖЕРТВА СВЯЗИ

Прохожие почти все бежали деловой рысью и говорили о ценах, сметах и ЗРК. А этот человек двигался необыкновенно медленно. У него было потрепанное платье и пустые водянистые глаза, то глядевшие как-то мимо вас, то впивавшиеся неестественно пристальным взглядом. Он тихо бормотал:

— Усы-Миуссы... Миуссы-усы... Бабах-бах-бах...
Два-пятнадцать-восемь-пять... Бу-бу-бу...

Я толкнул шедшего со мной приятеля:

— Слышишь, что он говорит?

Приятель махнул рукой.

— Я ж его знаю. Это телефонный сумасшедший.

— Что-о?

— Ну да. Этот человек сошел с ума на почве телефона. У него была интересная работа; он был женат и любил жену; был у него друг; наконец, он обладал кое-каким имуществом. И в один прекрасный день он лишился и работы, и жены, и друга, и имущества, — все на почве телефона...

— Бога ради, расскажи, как это было.

— Это произошло года два тому назад, — начал мой приятель. — Кананькин, — его фамилия Кананькин, — работал тогда, кажется, в кооперации. Ну, вот однажды он сидит у себя на работе, и к нему приходит представитель низовой кооперативной сети. Приходит и говорит: пожалуйста, отпустите нам партию трикотажа или вилок, не помню уж чего. Знаю только, что товар дефицитный, нужный. Ну, Кананькин побоялся сам решить вопрос. Дай, думает, позвоню нашему председателю (а председатель на его несчастье сидел где-то на другой улице). Кананькин берет трубку, слышит — станция отвечает, он говорит: 2-15-85.

Телефонистка выслушивает номер, но не повторяет его, а как это у них принято, говорит другой номер:

— 2-17-93?

— Нет, — говорят Кананькин, — я просил 2-15-85.

— 3-12-74?

— Два-а пятнадцать-ать восе-емь пя-ать! — надрывается Кананькин.

— Не кричите, — сухо говорит телефонистка, — я повторяю то же самое: 2-15-85. Даю.

— Ффу! Наконец-то. Товарищ Ойцев? — почтительно говорит Кананькин. — Здравствуйте, товарищ Ойцев. Это я. Кананькин. Я хотел у вас спросить, товарищ Ойцев, — что, можно отпустить за наличный расчет нарлофоминской кооперации трикотажные вилки?

— Видите ли, — отвечает председатель Ойцев, — с одной стороны, продать эти вилки надо, потому что мы можем с ними затовариться и останемся на бобах...

Конечно слышно по телефону очень плохо, и Кананькин ничего не может разобрать из того, что говорит председатель.

— Я извиняюсь, товарищ Ойцев, что вы говорите? Вы говорите: затоваримся и?..

— Я говорю, — повторяет Ойцев, — останемся мы с вами на бобах.

— Чего?

Председатель уже кричит:

— На бобах, говорю! На бобах! Бобах!

— Ничего не слышно!

— Бобах! Бах! Ба-бах!

Кананькин уже стесняется переспрашивать. Он только угукает в трубку:

— Угу... да... понимаю... угу... угу...

А сам ничего не слышит и не понимает.

Председатель же говорит:

— Значит, с одной стороны, мы можем затовариться и остаться на бобах, а с другой стороны, если продать, — можем обнажить нашу собственную сеть. Так что я думаю ни в коем случае не продавайте.

Кананькин говорит:

— Угу... да... слушаюсь... понимаю...

А сам ничего не понимает, и главное — уже поздно в этом сознаться. Положив трубку, Кананькин решил: единственное, что он понял, это что председатель боится затовариться, а раз так, — очевидно, надо продать. Он и говорит уполномоченному низовой кооперации:

— Значит, продадим вам трикотажные вилки. Надо будет составить спецификацию...

А пока выписывали счета, Кананькин решил позвонить своему другу. Дело было в том, что друг в этот день хотел зарегистрировать в загсе свою женитьбу. И другу нужны были свидетели, так как в документах у него была небольшая накладка.

Вот друг и просил Кананькина явиться в загс к двум часам.

Кананькин, значит, берет трубку и говорит телефонистке:

— 5-14-07.

Телефонистка, натурально, повторяет:

— 2-11-70?

И Кананькин, рассеянный Кананькин, в это время думающий о том, правильно ли он понял своего председателя, Кананькин машинально говорит:

— Да.

— Даю, — шипит телефонистка и, сделав свое путаное дело, исчезает.

Отвечает, стало быть, номер 2-11-70.

Кананькин говорит:

— Это я звоню, Вася.

А там оказался у аппарата ужасный шутник, знаешь, есть такая порода специальных телефонных шутников, которые думают, что очень остроумно, если назвать человека обезьяной или бегемотом. Шутник весело подмигнул и ответил:

— Здравствуй. Чего тебе?

— Ты сегодня женишься?

Тут шутник зажал рукой трубку и сказал своим: — Какой-то дурак спрашивает, женишься ли я сегодня... Послушайте, я ему сейчас!.. Алло! Нет, знаешь, я не женись. Вчера, понимаешь ли, узнал, что у нее на ногах по шесть пальцев. (Хя-хи). И что у нее вставной глаз и вставное ухо (Хя-хи-хи).

Кананькин, думая о своих вилках, вяло удивился:

— Что ты говоришь? Шесть глаз и одно ухо? А я, знаешь, и не мог бы сегодня в 2 часа быть в загсе: дела... Ну, пока.

Как только уполномоченный кооперации забрал товар, позвонил сам председатель Ойцев и сказал:

— Ну вот, товарищ Кананькин, хорошо, что мы не отдали эти вилки. Отправьте их в универсам № 3.

Кананькин побледнел и лепечет:

— Как не отдали... Вы же... я же... вы же говорили: затоваримся... я же их отдал...

Председатель как зарычит:

— Я говорил не отдавать! У меня есть свидетели! Прямое неподчинение прямому начальству! Можете себя считать уволенным!

И бросил трубку. Кананькин в свою очередь аккуратно уложил на рычаге трубку. Но станция раз'единить их не желала.

Минут через двадцать Ойцев надумал говорить по телефону, и Кананькин решил позвонить домой. Взглянув за трубки, постучали по рычагам. Говорят:

— Алло!

— Алло!

— Кто говорит?

— Кто у аппарата?

Кананькин вдруг узнал голос:

— Это товарищ Ойцев?

— Я. А кто говорит?

— Я... Кананькин. Напрасно вы так рассердились, товарищ Ойцев. Я ведь...

— Об этом мы потом потолкуем. Можете подать заявление, а сейчас повесьте трубку, мне надо говорить.

Повесили трубки. Подождал. Взглянул опять.

— Алло!

— Алло!

— Это кто?

— Товарищ Ойцев, да?

— Опять вы?! Кладите трубку!

И так, знаете, пять раз. Председатель рассердился страшно.

— Мало того, — говорит, — что вы нарушаете директивы, вы еще и назойливая личность! Теперь уж наверное уволим...

Дальше. Только расцепили телефоны, звонит Кананькину его друг и раз'яренно заявляет:

— Больше ты мне не приятель! Обещал прийти! В кои веки я женись, так неужели же трудно...

— Позволь, Бася, я ж с тобой говорил, ты же мне сказал, что не женишься, потому что у нее на ногах по шести пальцев и вставное ухо...

— Что?! Ну, знаешь, мало того, что ты не явился, ты еще и хамишь!

— Кто хамит?! Клянусь тебе... ты мне веришь или нет?!

— Два ноль семь.

— Что «два ноль семь», Вася!

— Два ноль семь. Станция. Что угодно?

— Позвольте! Зачем мне ваши два ноль семь, когда я разговариваю... Зачем вы раз'единили?

Друг позвонил сам во второй раз. Позвонил, «чтобы отругаться». Выслушав друга, Кананыкин начал защитительную речь:

— Как тебе не стыдно, — начал он, — ты знаешь, как давно и как нежно я тебя люблю. Неужели же я откажусь пойти с тобой в загс. Ну, не успели сегодня, пойдем завтра...

— Интересно знать, — сказал вдруг голос жены Кананыкина, — с кем это ты собираешься завтра в загс и кого ты так давно и нежно любишь?

— Верочка? — приятно удивился Кананыкин, — Тебя присоединили третьей?

— Да, и благодаря этому я услышала интересные вещи. Кого, значит, ты любишь так нежно, что собираешься завтра в загс?

— Как кого? Ваську, конечно... Вася, чего же ты молчишь, поздоровайся с Верой... Вася! Василий! Ва... Ва... Вась!!!

Но Василия уже опять отшили. Жена сказала: — Чего ты кричишь? Глупо. Эта твоя Василий или, вернее, Василиса давно положила трубку: эти Василисы очень не любят разговаривать с законными женами. Негодяй! Подлец! Для кого я погубила мою молодость?

Жена тоже бросила трубку. Кананыкин судорожно застучал по рычагу, чтобы звонить домой. Аппарат не откликнулся. Кананыкин бросился в соседнюю комнату к другому телефону. И тот не работал.

— Очевидно, на кабеле повреждение, — сказали Кананыкину. — Все телефоны у нас вышли из строя.

— Позвольте! Сию же минуту они работали!

— Так вот бывает: сию минуту работают, а сию минуту не работают!

Кананыкин выбежал на улицу. Он намеревался ехать домой мириться с женой. На углу к двери магазина была прибита железная вывесочка «Здесь телефон-автомат». Кананыкин самозабвенно прижал к уху трубку автомата.

— Миуссы три одиннадцать шестнадцать, — отчеканила телефонистка. — Опустите монету.

Кананыкин трепетной рукой уронил в щелку гривенник. Гривенник беззвучно исчез во чреве коробки, а телефонистка строго повторила:

— Монету опустите.

— Я же опустил!

— Неслышно было. Опустите монету, или я дам отбой!

— Ну, хорошо! Вот вам еще...

Коробка совершенно беззвучно проглотила второй гривенник, даже не икнув.

— Опустите монету. Монету опустите. Опустите монету. — Телефонистка, казалось, сама обратилась в автомат. — Монету опустите. Что? Даю вам аппарат начальницы.

Кананыкин, загубив пять гривенников, махнул рукою и пустился к трамвайной остановке.

Дверь в квартиру была раскрыта настежь. Дверь в комнату Кананыкиных — тоже. И комната была в странном беспорядке. Шкафы открыты, белье и платье отсутствовали.

— Верочка! Воры! — взвизнул Кананыкин.

Вбежали соседи.

— Где жена? Что тут было?

— Вера Петровна-то уехала к какому-то Творожичу. Говорила, что уезжает к нему жить. Творожич, говорила, меня любит, а муж, вы, значит, не любит и обманывает. Она тем более ждала от вас звонка, даже сама позвонила, но ей сказали, что либо телефон испорчен, либо снята трубка. Из-за трубки-то она и уехала.

— И все с собой увезла?

— Нет, ваши вещи она оставила. Костюмы и даже чайник... Где ж они? Ах!.. Ну, значит, это еще воры побывали: как женщина в беспамятстве выскочила и двери не заперла, так они, значит... ни чайника ни костюмов...

Кананыкин оглядел странным взглядом комнату и дико захохотал. Соседи в ужасе разбежались...

... Впереди нас послышался гул уличного скандала. Мы с приятелем подняли головы.

Из аптеки выводили безумного Кананыкина. Кто-то громко объяснял:

— Подходит негодяй к телефону-автомату и норовит зубами перекусить провод! Как это вам нравится?..

Кананыкин, улыбаясь нездешней улыбкой, бормотал:

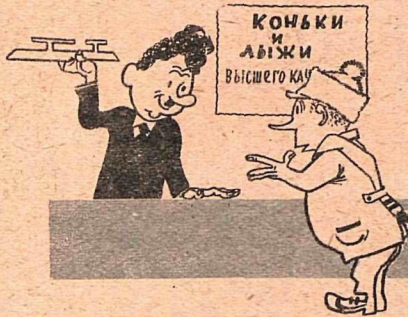
— Усы-Миуссы... Миуссы-усы... бабах-бах-бах... бах... бах... Два пятнадцать аппарат начальницы... начальника аппаратницы. Восемь пять... Долгие и низкие: бу-бу-бу-у... Короткие и высокие: пи-пи-пи... Усы-Миуссы... Таганка!! Бауманская Таганка! Бабах! Ту-ту-ту...

Раздался свисток милиционера.

В. АРДОВ

УДОБНОЕ КАЧЕСТВО

Рис. М. Храповского

— Мне эта система не годится. Мне бы „Снегурочку“!

— Не извольте беспокоиться...

— Вот вам и „Снегурочка“!.. Прикажете завернуть?

ПЛАНОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Никогда не знаешь, откуда может прийти неприятность. В том и неприятность всякой неприятности, что она нигде не регистрируется, нигде не проводится по книгам и приходит неожиданно, как запоздавший гость, который не только съедает ваш ужин, но еще и собирается у вас заночевать на вашем диване.

Не ждали никакой неприятности и отделы, расшифрованно говоря, Всесоюзного союза рабочих машиностроения. Каждая бумага, входящая в их канцелярию, вызвала легкие обсуждения, кое-какие дискуссии, но ни одна из них никогда еще не повергала получателей бумаг в полное уныние. Однако трудно жить припеваючи и беззаботно в наше ответственное время. И вот из союстраха МГК ВСРМ неожиданно пришла обычного формата и обычного тона бумажка. Как невиданная угроза, она повисла над всеми живыми обитателями отделов союза. В бумажке говорилось ясно и просто:

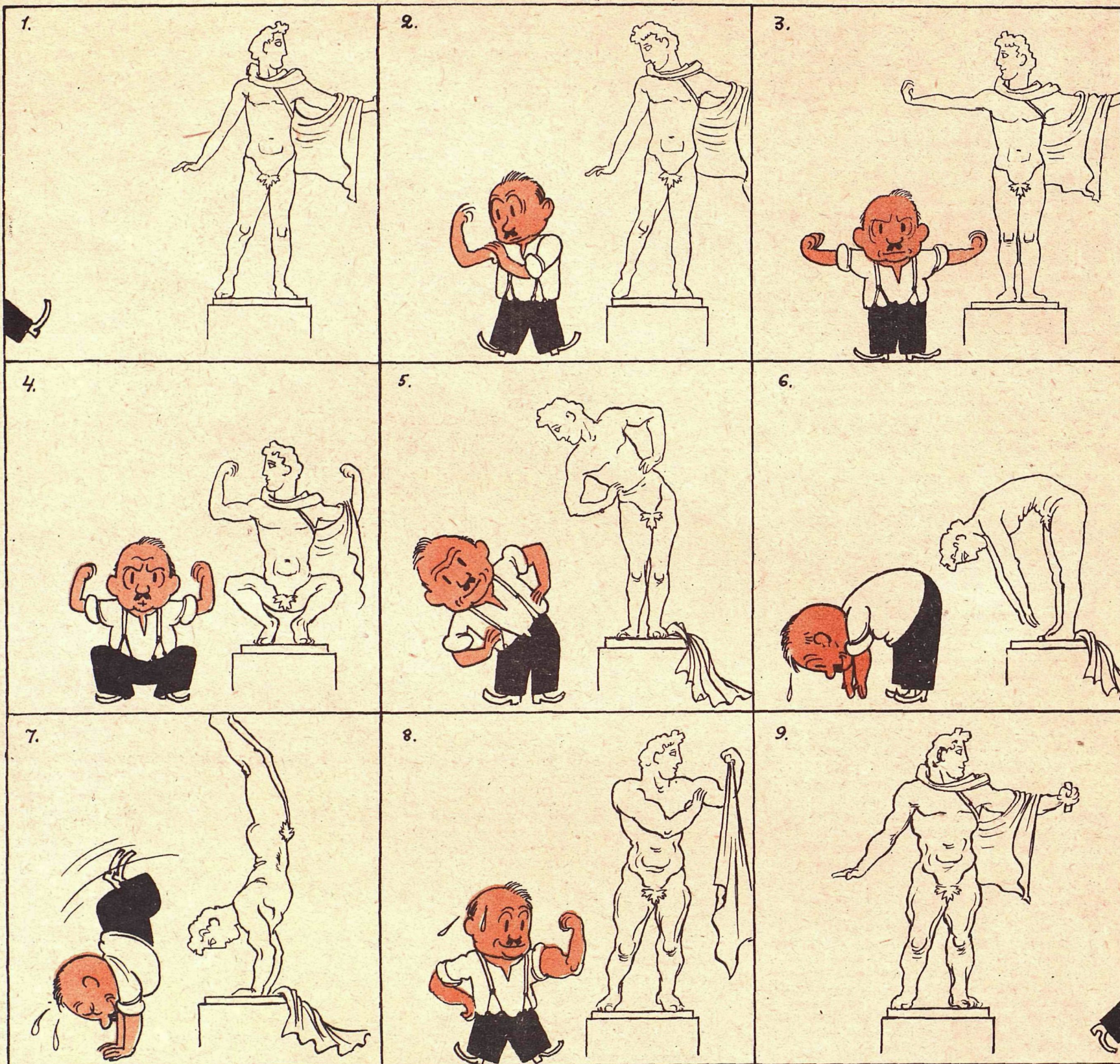
«Ставим вас в известность, что ордера на погребение вы имеете получить в нашем отделе (касса у тов. Розенбаум), представляя на это соответствующую заявку на 4-й квартал».

Нытики, маловеры и сопутствующие им лодыри уверяют, что очень трудно жить и работать в плановом порядке. Неверно это и неправильно, что трудно предвидеть будущие урожаи своих трудов в наступающем квартале. Но как умирать в плановом порядке? До этого не додумались лучшие статистические и экономические умы нашего столетия. Кого ориентировочно записать в умершие? Кто по своему виду может считаться верным кандидатом в царство теней? И кто вообще собирается вопреки внутреннему распорядку превратиться из цветущего члена профсоюза в никому ненужный бесполезный труп?

Отделы мрачно задумались. Попытка провести анкетный опрос на тему: собираетесь ли вы умереть в наступающем квартале, а если нет, то почему, предпринята не была. Предварительный устный опрос показал, что очень немногие могут честно и добросовестно ответить на этот вопрос. И заманчивое предложение распланировать количество смертей и нуждающихся в погребении членов профсоюза в наступающем квартале осталось без ответа.

Мы вмешиваемся в это дело не с целью назидательной. Нас просто интересует как людей, не потерпевших и не заинтересованных в судьбе этой анкеты, психология ее авторов. Просто ли это веселые люди, которые в часы занятий плодят и множат анекдоты, или же это люди, которым недоступно чувство юмора, и все что они делают им кажется философически обоснованным и важным? И в том и другом случае все это настолько глупо, что даже не нуждается в какой-нибудь морали. На такие факты мораль тратить жалко.

Рис. М. Храпковского

... ВОЗДЕЙСТВИЕ ЖИВОГО ТЕМПЕРАМЕНТА НА МЕРТВУЮ НАТУРУ

А В Т О Д Р А М А

К нашему герою Фортуна впрорхнула на лотейном билете Автодора. В одно мгновение она перебросила его из разряда завистливых пешеходов в разряд баловней судьбы — автомобилистов.

Первые часы обладания, кто опишет вас? Целый день герой колесил с семьей по городу. Когда глубокое планетарное небо вспыхнуло над улицами, машина лихо подкатила к дому. И тут первая тучка набежала на безоблачный горизонт счастливого обладателя легкового механизированного транспорта. Транспорт некуда было девать. Сорок пять лошадиных сил нельзя было подвесить к потолку комнаты, как какой-нибудь маломощный двухколесный велосипед. И хозяин остался ночевать в автомобиле у дверей родного дома.

Конечно эта случайная неувязка периода освоения не огорчила героя. Ночь была теплой, по-

душки машины — мягкими; усталый от счастья и длительной езды, он уснул.

В три часа ночи сон его был прерван вмешательством административных органов. Вежливый милиционер предложил отправиться на площадь, где имеется установленная стоянка. Сон у любимца Фортуны пропал, и он, дождавшись рассвета, вернулся под окно, где встревоженная его исчезновением жена уже около часа караулила пустынный асфальтовый горизонт.

Однако период освоения затянулся. Наш герой худел и попрежнему проводил ночи на улице. Днем же он вел переговоры с собственным жактом.

— Сдайте мне сарай под гараж, — уговаривал он.

— Чтобы мы пустили автомобиль в дом! Вы бы еще предложили устроить здесь динамитный

склад. Знаете, что? Когда нам захочется устроить пожар, мы вас позовем.

Но Фортуна не забывала своего питомца. После долгих споров и доводов о том, что лошадь гораздо безопасней в пожарном отношении и что лучше было выиграть лошадь, жакт согласился сдать сарай. Условия были такие: хранить бензин у себя дома, на ночь наливать в бак воду; после двенадцати часов ночи не гудеть; возить членов правления жакта по их делам.

Ровно через день пожарная инспекция нашла, что сарай деревянный, оштрафовала жакта и выгнала страдальца. Он нашел кирпичный сарай, но, как только там была помещена машина, сарай стал гаражом и как таковой был взят на учет Нежилтрестом как кровное его, треста, имущество. Новый хозяин потребовал 100 рублей в месяц. Автовладелец снова выезжал но-

БАРЖА „МЕЧТА“

Баржа была большая, бокастая, неуклюжая, а называлась нежно: «Мечта». Возили на ней соль, муку, дрова. Команды на барже было тринадцать человек, а шкипером — по-речному водоливом — ходил на «Мечте» Антон Скамейкин, мужчина угрюмый, крепкий, но в больших летах.

Любви, как известно, покорны и водоливы. И вот престарелый Антон влюбился, как мальчишка, в матроса Карсавину. Матрос Карсавина, которая была в два раза моложе водолива, не отвергла признаний 60-летнего Ромео, и они поженились.

Медовый месяц молодоженов продолжался двое суток — от переката до переката. А потом водолив Антон Скамейкин снова стал угрюмым и ворчливым старцем. Матрос Карсавина заметно погрузнела.

Вскоре на барже стали замечать, что водолив плохо живет со своим матросом. Частенько Карсавина становилась к рулю с заплаканными глазами. Утирая слезы рукавом кофты, она столь рассеянно и неловко действовала рулем, что бедная «Мечта» начинала вилять кормой, как собака хвостом, и однажды чуть было ни села на мель.

Между супругами почти ежедневно происходили ссоры. Чаще обычного Антон Скамейкин выпивал и во хмелю бил бутылки, громогласно утверждая при этом, что «женский пол надо уничтожить с корнем». Делами «Мечты», графиком ее трансфинлана он перестал интересоваться вовсе.

Тогда профделегат «Мечты» комсомолец Митя Аникин решил вмешаться в семейный конфликт беспокойной четы от имени общественности. Предварительно потолковав с командой, он созвал общее собрание.

Увлекаемая буксиром, «Мечта» тихо скользила вдоль волжских берегов. Она плыла теми местами, где некогда запальчивый гражданин Степан Разин бросил за борт челна в набравшую волну классово чуждую персидскую княжну.

Чуть взволнованный необычайной повесткой дня, Митя Аникин доложил собранию, что семейные распри водолива Скамейкина и матроса Карсавины не могут быть далее терпимы, ибо ставят под удар выполнение баржей «Мечта» своего трансфинлана.

— Пусть Скамейкин и Карсавина, — заявил профделегат, — выскажутся перед общим собранием начистоту, почему они не могут поладить и зажить мирно.

Первым получил слово Скамейкин. Сначала он произнес по адресу своей супруги длинную, хитро закрученную бранную тираду, не пригодную для воспроизведения в печати.

— Секретарь, которое нехорошее, — не фиксируй, — сказал Митя Аникин и строго прибавил: — Скамейкин, не выражайся, ты на собрании находишься, а не в чистом поле.

Помолчав, водолив заговорил спокойнее. В протоколе собрания его речь секретарь Кусков передал так:

«Гр. Скамейкин доказывает, что гр. Карсавина чересчур горда и никакого слова ей сказать нельзя. Я как человек пожилой, и она должна мне подчиняться».

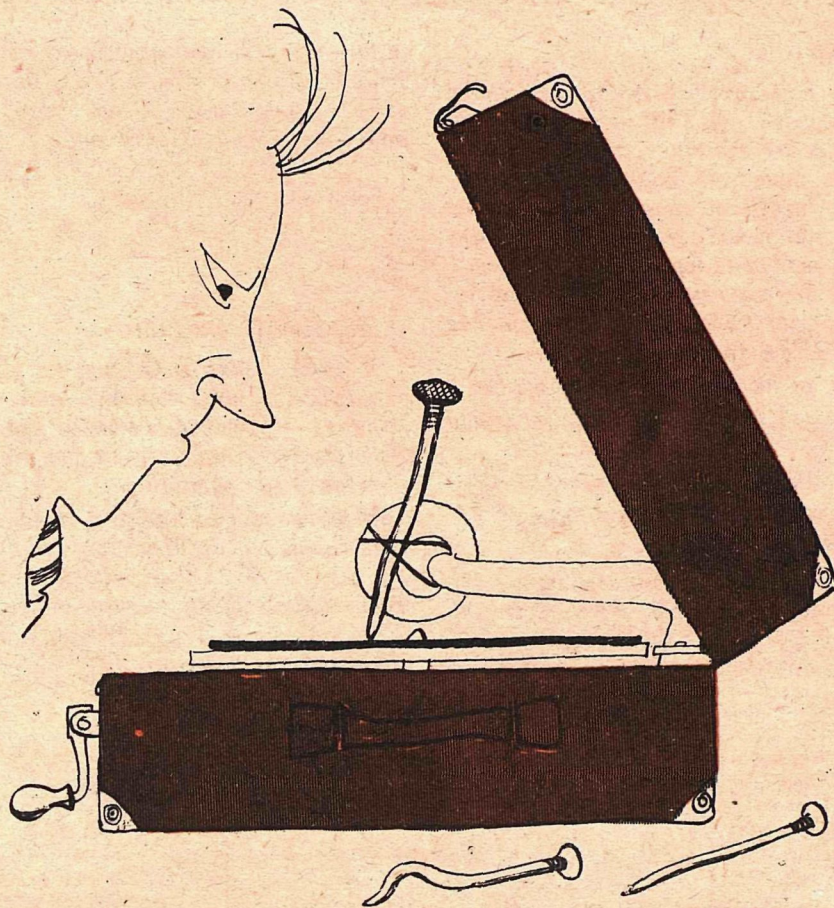
чевать на площади, а по утрам жена встречала его ультиматумами, что или она или эта проклятая машина.

Наконец автомобилист пристроил свою машину в гараж учреждения, где работал. Тут новые несчастья обрушились на него. Его вызвали в кабинет заведующего, где ждал весь треугольник. Сначала речь велась на общую тему, что надо жертвовать собственными утехами для нужд социалистического строительства, в конце же воодушевленный зав предложил продать машину тресту.

Герой отказался, и на него обрушилась общественность. Несчастный баловень судьбы клеймился как явно антисоветский элемент, недостойный состоять даже в профсоюзе. Вскоре его уволили.

Сейчас жизнь автомученика все же вошла в рамки. По благу он нашел место для машины в казенном гараже, в Сокольниках. Изредка, когда случаются вечеринки, он берет оттуда машину.

Рис. К. Ротова

ГВОЗДЬ МУЗЫКАЛЬНОГО СЕЗОНА

Затем слово было предоставлено Карсавиной. С плачем синеглазый матрос произнес свою речь. Секретарь записал ее так:

«Гр. Карсавина доказывает, что он неразговорчивый и не услышишь ласкового слова. Никогда он не поласкает, относится всегда грубо, а как выпьет водки, так начинает бить посуду. Я как человек молодой, мне нужны ласки и любовь».

После бурной речи Мити Аникина и выступлений кое-кого из матросов общее собрание команды «Мечта» приняло следующую резолюцию:

«Общим собранием постановили свести их молодую жизнь, чтобы они дали друг другу клятву перед общим собранием под расписку:

— Я, гр. Скамейкин, клядусь перед общим собранием, что я характер изменю, никогда не буду обижать и строго относиться. Буду любить и ласкать до самой смерти.

За любовь товарища Скамейкина с гр. Карсавиной — крепкое рукопожатие.

— Я, гр. Карсавина, тоже даю клятву перед общим собранием, что я тоже стану относиться ласково, изменю свой характер, не буду гордиться, что я перед ним моложе, и буду тоже любить его до самой смерти».

Сам он на этих вечеринках не танцует и ничего не пьет. Не танцует потому, что надо стеречь автомобиль, а не пьет, чтобы не оштрафовали за езду в нетрезвом виде.

Часа в два-три, когда веселье кончается, он грузит гостей и развозит их по домам. Гости завистливо говорят: «Счастливей ты человек!» «Счастливей» же человек отвозит машину в гараж, выливает из нее бензин, отвинчивает и складывает в кошелку мелкую арматуру, на которую обычно зарятся соседи по гаражу — шоферы казенных машин. Потом с кошелкой в одной руке и бидоном с горючим в другой он пешком через весь город отправляется домой.

Звезды горят над его головой. Млечный путь переливается, как свежеполитое гудронированное шоссе. Иногда он присаживается на бидон, завистливо смотрит на темные окна давно уже спящих пешеходов и размышляет о горьких парадоксах жизни.

Подписывая это клятвенное обязательство, гр. Скамейкин был бледен, рука его дрожала. Мария Карсавина, поставив свою подпись, всхлипнув, сказала Мите Аникину:

— Если он, старый чорт, протокол сполнять не будет, — я до района дойду, товарищ Аникин.

Настала ночь, благоуханная волжская ночь, наполненная до краев молчаливыми звездами и гремучими соловьями. Антон Скамейкин и Мария Карсавина сидели на палубе, тесно прижавшись друг к другу. Проходя мимо, Митя Аникин слышал, как старый водолив называл своего матроса Машенькой.

P. S. Прочтя эти строки, иной читатель скажет: ишь, чего накрутил бойкий автор. Тут тебе и любовь, и трансфинлан, и даже протокол общего собрания. В жизни этого не бывает.

Нет, бывает, дорогой читатель. Рассказывая эту историю, автор ничего не выдумывал. Все было, как написано: и любовь, и трансфинлан, и протокол. Автор только изменил фамилии действующих лиц, которые по сей день живут в добром согласии и строго держат клятву, данную общему собранию баржи «Мечта».

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

★

Да простит нам Автодор эту грустную историю, да не подумает он, что автор — враг автомобиля и хочет опорочить это научно-техническое достижение. Хотя жизнь автомобилистов не так уже безоблачна, хотя попадаются булыжники и на их асфальтированном пути, но автор — за автомобиль. Однако ему кажется, что автомобиль хорошо бы поставить в гараж. В такой небольшой, уютный гараж, недалеко от дома. И пусть наши архитекторы, проектируя дома, помнят не только об уборных и ваннах, которые нужны сегодня, но и о гаражах, которые понадобятся завтра.

Ибо уже сейчас в Москве много счастливых владельцев машин. А через несколько лет их будут десятки тысяч. Пусть же они не переживают автодрам, пусть эти счастливицы будут действительно счастливы.

ЭМ. ДВИНСКИЙ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я являюсь почитателем покойного поэта Валерия Брюсова, и для меня интересен каждый штрих из его биографии. Я полагал, что я ее довольно хорошо знаю, но оказывается, что мои сведения далеко не полны. Так, например, я был уверен, что Брюсов один раз родился и один раз умер. Повидимому, это не так, особенно если поверить откидному календарю издательства «Светоч» на 1934 год.

Так, в листке на 8 октября говорится: 1924 г. — умер В. Я. Брюсов (родился в 1873 г.).

В листке на 9 октября говорится: 1924 г. — умер поэт В. Я. Брюсов (родился в 1878 г.).

Спрашивается, каким образом поэт, даже такой одаренный, как В. Я. Брюсов, ухитрился в первый раз родиться в 1873 году, потом снова через пять лет — в 1878

году и умереть и 8 октября 1924 г. и 9 октября? Думается, что здесь большую роль сыграла рассеянность не поэта, а редакторов календарей «Светоча».

Т. БУТАКОВ.

Реутово.

Дорогой Крокодил!

Я сама служу в Омске, на Центральном телеграфе. Своей работой я не вполне довольна, — хочется и можно делать больше. Я и решила подучиться, но так, чтобы не порывать со службой.

В феврале 1933 года я подала заявление в заочный сектор Московского политехникума связи. К заявлению я приложила все необходимые документы и стала ждать.

Только через год, 27 февраля 1934 года я получила ответ:

— Принята... Представить документы об образовании, зарплате, о стаже.

Я поспешила сообщить, что все эти документы давно находятся в Москве, в техникуме.

И снова я стала ждать. Лишь 22 июля прибыло письмо:

В виду того, что я не выслала денег, и весенний прием закончен, документы будут возвращены обратно.

Теперь я жду документов. Правда, судя по темпам работы техникума связи, мои требования несколько чрезмерны: документы, в лучшем случае, могут прибыть только весной следующего года.

Дорогой Крокодил, тебе по роду своих занятий приходится сталкиваться с волокитой во всех ее разновидностях. Я не знаю, встречался ли ты в своей практике с так называемой заочной волокитой. На всякий случай, сообщаю тебе о таком факте для твоего сведения и руководства. Помоги мне и не заочно получишь поскорее мои документы.

М. ПЕРЕЗОЛОВА.

Омск.

Дорогой Крокодил!

Западноказахстанское отделение «Союззаготпушнины» разослало по области требование сообщить ему о примерном наличии волков в каждом районе.

Мы очень затрудняемся в выборе способа статистического учета волков, следует ли спрашивать их самих, или же прикидывать на глаз, примерно так: пять волков на один лес.

Если у тебя есть какой-нибудь совет по части волкоучета и волкопланирования, не откажись поделиться им с нами.

ПАШИНИН, КАРИМОВ.

Уральск.

Дорогой Крокодил!

Большая у меня к тебе просьба, — сообщи, каким образом можно попасть в баню?

Я знаю, что для жителей столиц и крупных центров это почти праздный вопрос, но для нас, проживающих в г. Лохвине, Московской области, это проблема чрезвычайно важная!

Я не шучу, дорогой Крокодил. К сожалению, лохвинцам не до шуток. Городскую баню в Лохвине переоборудовали в свинарник.

Правда, недолго баня исполняла обязанности свинарника, — сейчас она пустует. Так или иначе, но город лишился бани.

Долго ли так будет продолжаться?

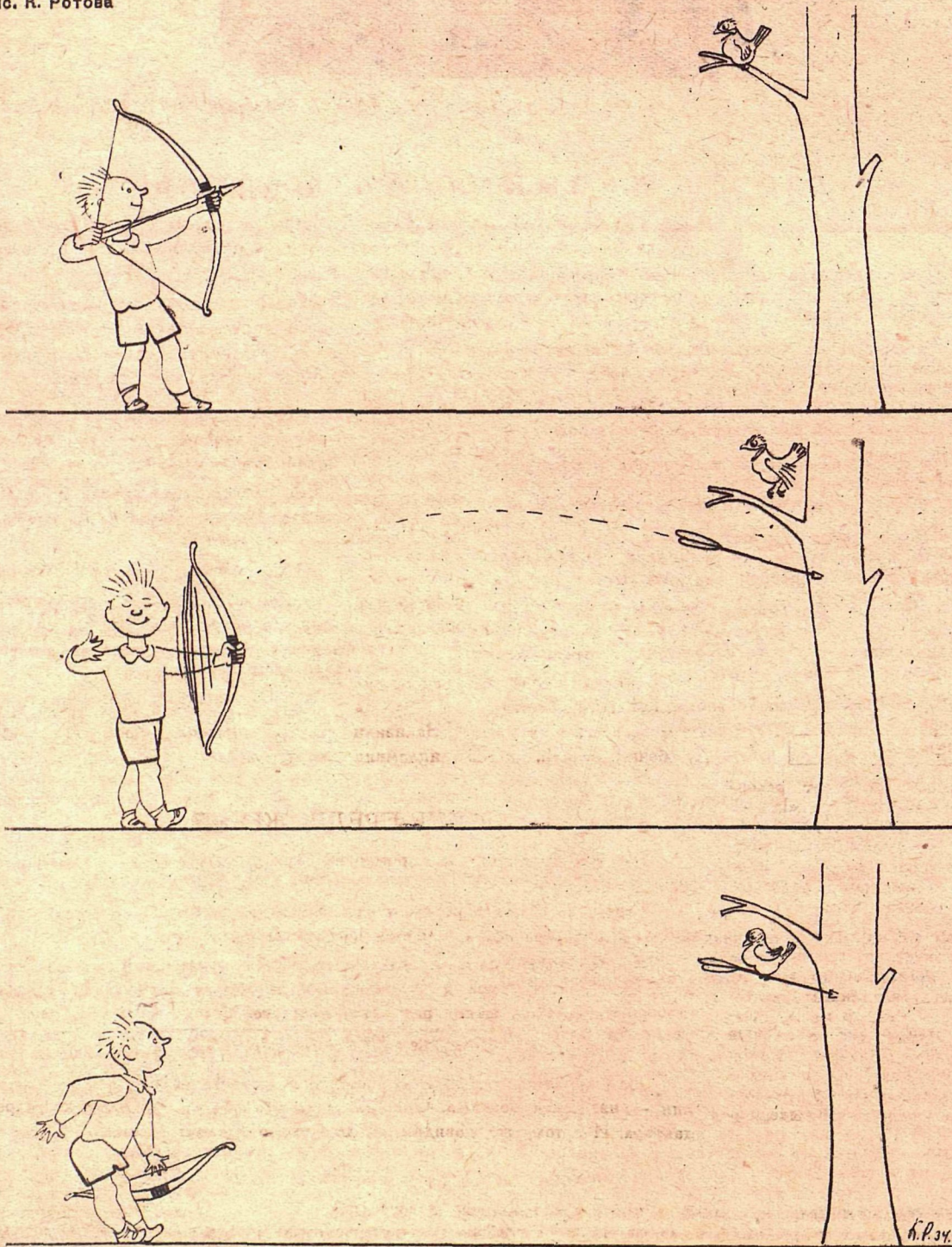
Как попасть в баню? — Умоляем тебя, сообщи нам, дорогой Крокодил: на тебя единственная надежда!

Задай, пожалуйста, парную баню нашим горсоветчикам и заставь их превратить свинарник в первобытное состояние!

Лохвин.

В. М. МЕСНИН.

Рис. К. Ротова

СКАЗАНИЕ О СТРЕЛЯНОМ ВОРОБЬЕ.

ШИРОКИЕ НАТУРЫ

Есть еще размах у некоторых натур, тающих свое пребывание в каком-нибудь маленьком периферийном уголке... Если им и приходится мыслить цифрами, то ниже миллиона они опуститься никак не могут.

В скромном Затонском почтово-телеграфном отделении куплено на 1 рубль марок, и вот какой счет выдал ширококатурный работник связи:

РАСПИСКА
Видпущено для Затонской Гуральни марок на сумму 1.000.000.

На один миллион почтовых марок!

Если такому разгильдяю передать посылку в два фунта, он, наверное, не замедлит выдать квитанцию в получении 2.000 тонн, если не более.

НАЗАД К КЛИНОПИСИ

Иногда в газетах появляются коротенькие заметки о нахождении бивней или клыков мамонта. О находке такого же приблизительно порядка можем сообщить и мы.

Редакцией получен следующий счет, начертанный на дощечке и выданный завмагазином № 2 районному отделу связи на станции Похвистнево.

СЧЕТ СВЯЗИ
Отпущено вам спичек 100 коробок по 3 коп. на сумму три рубля.
Магазин № 2 Подпись
21-IX-34 г.

Зантересованное лицо — бухгалтер отдела связи, — которому пришлось приобрести к ответным документам эту дощечку, покрытую кооперативными иероглифами, спрашивает нас:

— А что будет, когда завмаги начнут писать счета на кирпичках?

— Что будет? — ответим мы. — Ничего не будет. А вот если они начнут писать на гранитных глыбах или вывороченных ураганом дубах, — тут, действительно, положение бухгалтерии станет несколько затруднительным...

УЧЕТ ЖЕРТВ

Точный учет жертв безусловно необходим при каждом несчастье. А выяснение материальных убытков при этом — тем более.

Но иногда эти учет и выяснение формулируются в несколько пугающей и плохо объяснимой форме. Вот, например, как продекларировал свое отношение к жертвам местного наводнения Качугский райисполком:

ОБЪЯВЛЕНИЕ
Все пострадавшие от наводнения, как-то: скот, коровы, лошади, свиньи и овцы, должны пред'явиться в Качугский сельсовет для установления.

Единственно во имя чего некоторым коровам и стоит действительно зайти в Качугский сельсовет, это только для того, чтобы посмеяться над составителями такого объявления. Особенно, если местные коровы не без юмора.

„ЖУТКИЕ ТЕМПЕРАМЕНТЫ“

Приятно давать хороший и многоговорящий заголовок в редактируемой находчивым человеком газете. Заголовок притягивает внимание читателя. Заголовок иногда является мыслью статьи. Но как легко человеку неопытному и темпераментному сделать заголовки предметом массового устрашения. Особенно это бросается в глаза, когда сверхтемпераментные заголовки читаешь в разных газетах, лежащих у тебя на столе. Вот, например, с каким горячим и безоговорочным лозунгом обращается газета «Приисковский рабочий» (Муйтыгинский район, редактор тов. Сунцев):

КАЙЛОМ ПО ШЕЕ

В области такого разухабистого стиля от него не отстают и «Ленинский путь» (Детскосельская МТС, редактор К. Гуляев), который вз-

вает к вниманию читателя таким заголовком:

ДЕРНЕМ С КОРНЕМ

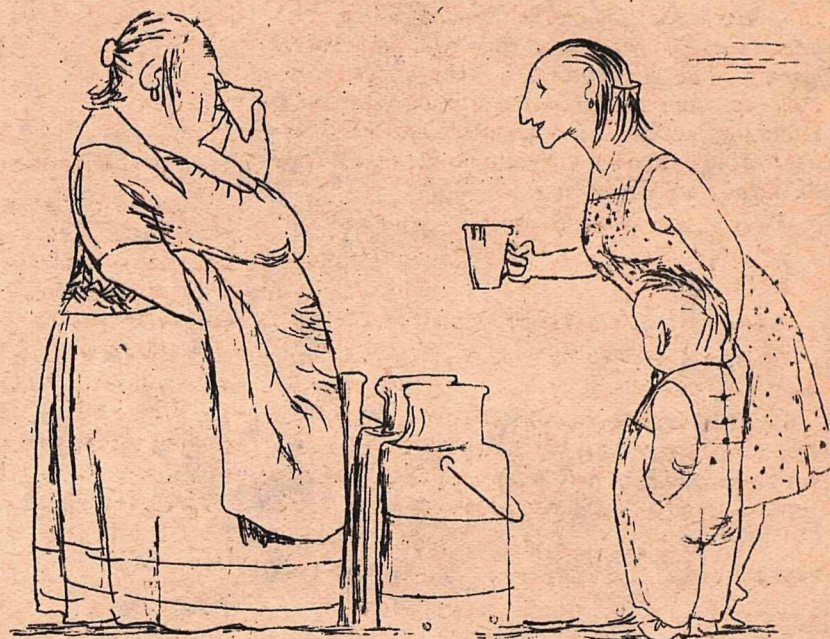
Но окончательно побивает рекорды образных заголовков «Штурмовка» (многотиражка завода «Красный тигель», редактор Янковская), которая ставит вопрос ребром и сводку очередной информации называет не больше, не меньше, как:

ТИГЛЕМ ПО ЧЕРЕПУ

Если такие заголовки начать читать вслух неподготовленным читателям, да еще в пустынном месте, многие, наверное, примут их за призыв к вооруженному ограблению. Паники при этом не миновать. Да и вполне понятно: темпераментную безграмотность не всякие нервы легко выдерживают.

НЕЗАСЛУЖЕННАЯ ОБИДА

Рис. Соифертиса

— Это плохое молоко?! Да это молоко чистойшей воды!.

ГРУЗИТЕ СТУДЕНТОВ В БОЧКИ

До чего некоторые научные работники разбаловались — прямо страшно сказать. Особенно в Свердловске. И особенно в Свердловском горном институте. Какие-то непослушные, недисциплинированные, критически мыслящие личности там завелись.

И отсюда — скука смертная. Тоска и меланхолия. А будь там дисциплинированные люди, — жизнь была бы яркой и многокрасочной. Такое веселье было бы, что ни в сказках рассказать ни в «Крокодиле» описать.

Будь в Горном институте послушные товарищи, они бы теперь в организованном порядке заготавливали бочки. Ничем бы другим не занимались — только бочками.

А в бочки клали бы студентов-дипломников. Забивали бы днища бочек крепкими гвоздями. Заливали бы бочки смолой, чтобы дипломник

в пути не вытек. И отправляли бы бочки с дипломниками в Магнитогорск.

Но ничего этого нет. Дипломники до сих пор не в бочках. А ведь имеется определенная, ясная и четко выраженная телеграфная директива:

«Магнитогорска Свердловск Сибирский 30 Горный институт грузите дипломников бочками».

Вот почему так тоскливо в Свердловске. Не послушались. Даже дерзнули усомниться.

— Не напутал ли опять телеграф? А вам какое дело? А если напутал? Ему это не впервые. Вы же должны провести директиву в жизнь, а потом можете и протестовать.

Пока же обязали немедленно грузить дипломников в бочки. И никаких разговоров!.

НАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Не будем говорить о скромности как о добродетели, украшающей гражданина.

Перейдем прямо к нескромности, переходящей шумно и совсем неграциозно в саморекламу, и приведем достаточно яркий пример.

В газете «Ударник колхозных полей» (хлопковый совхоз № 6, УзССР), редактируемой т. Енгальчевым, на видном месте в № 93 стоит следующая крупная шапка над одной из статей:

ПАРТИИ НУЖНЫ ЕНГАЛЬЧЕВЫ

Нам думается, что двойное упоминание в газете одной и той же фамилии — излишняя роскошь. Особенно, если это фамилия ответственного редактора. И к тому же, по видимому, достаточно безответственного.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ.

Рукопisen не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 996 Сдача текста и рисунков 3/Х-34 г. Подпись к печати—4/Х-34 г. Стафформат А9—220×333. Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В—94821. Филиал тип. газ. „Правда“, изд-ва ЦК ВКП(б), Москва, Суцевский вал, 49. Зак. № 727. Тираж 300.000

Оформление Л. Кублановского. Журнал набран и отпечатан в филиале типографии газ. „Правда“. Фотомеханик—П. Мягков. Репродукция под руководством Г. Жимерикина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Заведующий печати. отд. Дрожников.

СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ

Рис. К. Ротова

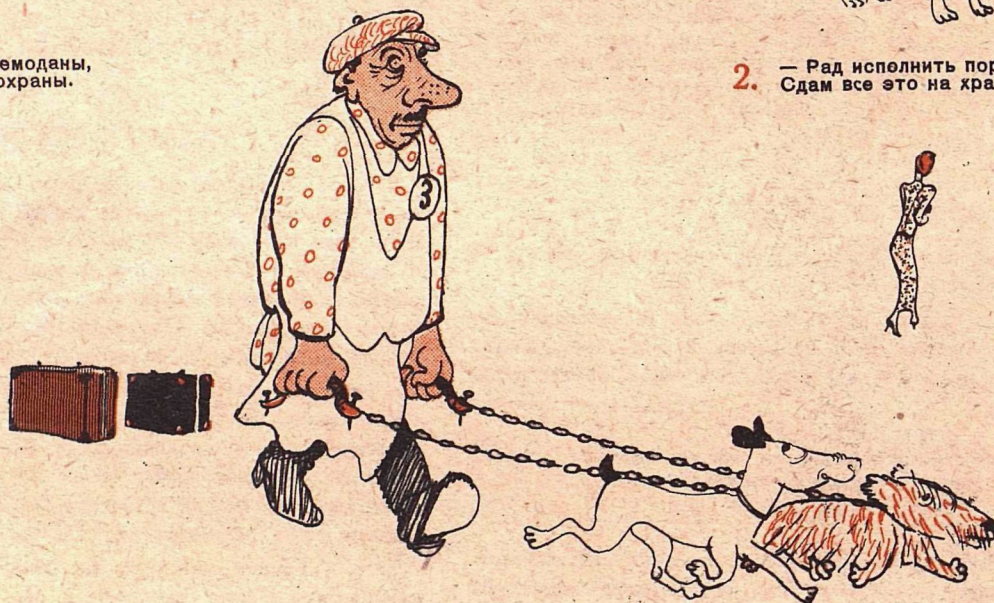
Текст Генриха Пайне.

1. — Вот,несите чемоданы,
А собачки... для охраны.

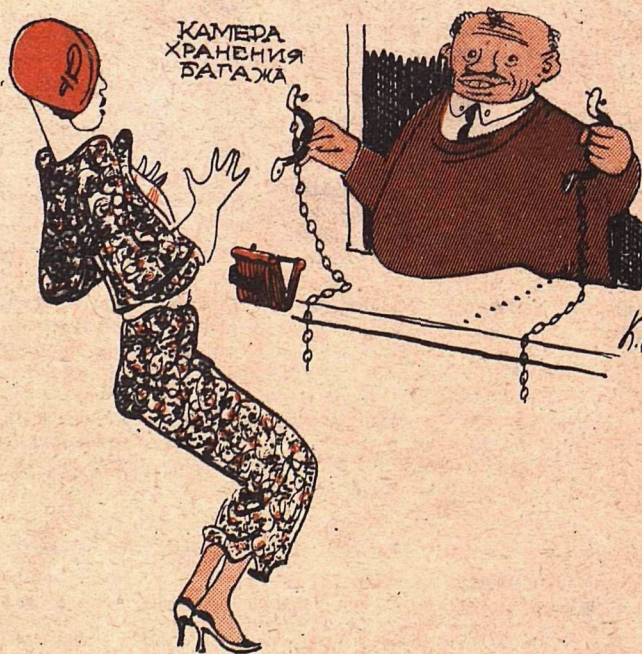
2. — Рад исполнить порученье!
Сдам все это на хранение.

3. Ручки сорваны. Конфуз!
Рад носильщик: легок груз!

4. И придя на станцию,
Он дает квитанцию.

5. Волос дыбом. Сперло в горле.
Ручки есть, собачек сперли.

К.Р.34.